

Анатолий Штыров.
Приказано соблюдать радиомолчание

Народ в морской артели чище.
Подлецу и вору дороги в море нет.
А главное - в море людей злых нету,
ни воевод, ни бояр... и рука царская не достанет...
Из побывальщины северных поморов

Повесть

Экипажу подводной лодки С-141 посвящается.

Главные действующие лица (согласно "табели о рангах") - в фамилиях и бытовавших в подводной среде прозвищах.

ХОРОШИЙ МУЖИК - командир бригады подводных лодок
ТЕТЯ ФРОСЯ - заместитель командира бригады по политической части
БЕЛОГАД - начальник штаба бригады
"АКАДЕМИК" - преподаватель Военно-морской академии
НЕУЛЫБА - командир подводной лодки
ШЕПОТ - дублер, командир ремонтирующейся подводной лодки
ХОРТ - заместитель командира подводной лодки по политической части
(стаж - менее полугода)
ХАЛВАНЫЧ - старший помощник командира подводной лодки (далее ПЛ)
ИЛЬИЧ - командир электромеханической боевой части ПЛ
ЛУКЪЯНЧИК - командир штурманской боевой части ПЛ
СТЕПАН - командир минно-торпедной боевой части ПЛ
СИМПАТЕНОК - начальник радиотехнической службы ПЛ
МИХАЛЫЧ - боцман, старшина команды рулевых-сигнальщиков
(прикомандированный на поход)
ДИКИЙ - старшина команды мотористов
ЮЛА - трюмный - машинист центрального поста ПЛ
Остальные действующие лица вступают в повествование по ходу действия.

Это было время жесткого противостояния двух систем - империалистической и социалистической, ныне растаявшей как мокрый сахар.

И, конечно же, вытекающего из "холодной войны" противоборства флотов, напоминающего встречу на ринге натренированного американского тяжеловеса и русского мужичка, норовящего "дать в ухо" в ответ на всякие там боксерские приемы.

Карибский кризис был еще слишком свеж в памяти. Президент США Дж. Кеннеди расточал свои рекламные улыбки, а Никита Хрущев, зашнуровав ботинок и уплатив в Генеральной Ассамблее ООН немалый штраф за нарушение общественного порядка, оставил тем не менее за собой последнее слово, пообещав "перебить ракетами всех мух на небесной тверди".

Да не удивится современный скептик-читатель: это собственные слова

тогдашнего Генсека.

Впрочем, на флотах Никиту не уважали. И крепко не уважали...

Короче говоря, это было лето 1963 года.

Главкомандующий ВМФ С. Горшков, предвосхитив "знаменитую" брежневскую трилогию, уже перелистал и благословил на публикацию свою "Морскую мощь государства", в которой были хитро увязаны идея Петра Великого "о двух руках potentата" и раздраконенная в академиях как лживо-буржуазная теория Мэхена и Колумба о господстве на море. И выбил "под это дело" у всемогущего Политбюро немалые субсидии, начав строительство атомного океанского флота.

Но атомный подводный флот был еще слаб и хил, как семимесячный новорожденный, поэтому дизельным подводным силам отводилась роль "защитника государственных интересов Советского Союза в мировом океане" в букве противостояния уже тогда могучему американскому, утвердившему свое господство в Тихом океане вместо канувшего в небытие флота микадо.

Выросшие на морали силы и уважающие только силу, янки несказанно удивились, обнаружив в омывающих Японию водах очередного выполыша-претендента на океан, на сей раз - советского "Ивана".

- Oh, Jonny! Where are you from? - О, Иваны! Откуда вы?

- What are you doing in our hot waters? - Как вам плавается в наших теплых водах? - поначалу сигналили американские крейсера и фрегаты, обнаружив в Филиппинском море советские плавбазы.

- Совершаем учебные плавания в открытых международных водах! - ответно сигналили суровые Иваны.

<h2>x x</h2>

Вскоре, однако, этикетный обмен любезностями закончился.

Янки поняли: коммунисты-Иваны появились в водах Куро-Сио неспроста и, если не дать им укорот, в недалеком будущем высыпят на океанские просторы как тараканы.

И предприняли жесткий прессинг.

Для начала плотно заблокировали проливы Японского моря. Заставили сателлитов - южнокорейцев и японцев - организовать блокадную службу и развернуть противолодочные рубежи в западном и восточном проходах Корейского пролива на полный азиатский серъез.

Весьма быстренько практичные американцы организовали систематическое слежение за деятельностью советского Тихоокеанского флота на подходах к Приморью и поиск подводных лодок в Японском море силами базовой патрульной авиации и своих подводных лодок.

Результаты не заставили себя ждать.

В 1962 году японцы обнаружили прорывающуюся через Корейский пролив подводную лодку Фоменко и организовали ее преследование. При попытке отрыва лодка действовала не лучшим образом - легла на грунт в проливе на глубине 120 метров. Обложив "хитрого Ивана", сыны микадо любезно передали контакт хозяевам-янки; те вынудили лодку всплыть и выгнали обратно в Японское море.

В начале 1963 года скрытно форсировала Корейский пролив и вырвалась в Филиппинское море подводная лодка Христова. Там она, однако,

была обнаружена. Янки поступили просто: гоняли на глубинах подводную лодку до полного расхода ею плотности аккумуляторной батареи и вынудили всплыть.

Всплывшую же субмарину поставили "в конверт" из 4 кораблей и подняли флажный сигнал: "При попытке погружения открываем огонь".

И в этом "конверте" провели лодку через три моря - Филиппинское, Восточно-Китайское и Японское - до острова Аскольд, где подняли издевательски-вежливый сигнал: "Желаем счастливого плавания" - и скрылись в южном направлении.

Третья, лодка Тарановского, все же прорвалась в океан. Неулыбе надлежало идти четвертым.

Вызванный к командиру бригады. Неулыба со скрытой дрожью молча вскрыл протянутый представителем штаба флота пакет. И начал, как в замедленной съемке, читать, стараясь не утратить ни грана смысла.

Командиру подводной лодки С-141

Лично.

Боевое распоряжение

штаба Тихоокеанского флота

1 июня 1963 года # 004/С Время московское

1. Силы 7-го флота США проводят неустановленные учения восточнее островов Кюсю и Сикоку. В районах учений систематически отмечаются 2-3 авианосные группы (АУГ, АПУГ) в составе авианосца и 6-8 кораблей охранения каждая.

На 0.00 1.6 находились: 77.4 АУГ аву "Тикондерога" 100 миль юго-восточнее пролива Бунго, 70.3 АПУГ авп "Кирсардж" 130 миль юго-восточнее пролива Осуми, штабной корабль 7-го флота кр уро "Оклахома Сити" на подходах к вмб Йокосука.

К 13.6 ожидается завершение перехода из США в западную часть Тихого океана авианосной группы аву "Корал Си".

Действия АУГ, АПУГ прикрываются силами базовой патрульной авиации США с авиабаз Ивакуни, Наха.

В проливах Японского моря систематически отмечаются ДОЗК (корабельные дозоры): 1-2 южнокорейских СКР восточнее Пусан и Чечжудо, 2-3 японских СКР на подходах к островам Цусима. Проливы контролируются БРТП и БШПС (см. разведкарту).

2. Силы Тихоокеанского флота находятся в боевой готовности ПОСТОЯННАЯ, осуществляют повседневную деятельность в пунктах постоянного базирования и плановую боевую подготовку в прибрежных районах.

3. Командующий флотом приказал:

Подводной лодке С-141 выйти из базы в 3.00 3.6, занять район С-1, ограниченный координатами... к 0-00 12.6.

Задача: Вести наблюдение за деятельностью сил 7-го флота США с целью обнаружения авианосцев,

скрытного слежения за ними своим оружием, выявления характера их действий, новых тактических приемов использования технических средств, вскрытия систем ПЛО.

Выход из назначенного района С-1 разрешается только: при скрытном слежении за авианосцами, при отрыве от преследования силами ПЛО.

Оставить район С-1 в 0.00 3.7, следовать в базу обратным маршрутом (см. карту-приложение к боевому распоряжению).

Прибыть в базу в 8.00 16.7.

4. Оружие применять:

- обычное - только на самооборону, при явном нападении противника;

- специальное - по особому сигналу министра обороны.
- 5. Управление - с КП флота. С моря доносить:
 - об обнаружении авианосцев 7-го флота США (визуально или достоверно техническими средствами);
 - в случаях, вынуждающих прекратить выполнение боевой задачи.
- 6. На переходе и в районе выполнения боевой задачи действовать максимально скрытно. Форсирование Корейского пролива осуществить в кратчайший срок в темное время суток в надводном положении. Использование активных технических средств наблюдения (РЛС, ГАС) в исключительных случаях, для навигационного ориентирования, в режиме "секторный однообзор", в сторону, противоположную от сил вероятного противника.
- 7. Решение на выполнение поставленной задачи утвердить командиру 16-й эскадры подводных лодок. Начальник штаба Тихоокеанского флота (подпись).

Командование бригады, о трех лицах, выжидательно смотрели на Неулыбу. Закончив чтение, Неулыба отстраненно молчал. Нестерпимо хотелось курить.

- Ну что, ясна задача? - первым нарушив молчание, воткнул в Неулыбу взгляд начштаба Белогад. - Что-то долго думаете, командир.

- Задача-то ясна. Только... Я ведь этот район совсем не знаю...

Начальники переглянулись: будет канючить, выпрашивать "няньку". Безработных няnek на бригаде не было.

- Что значит, не знаю? Надо было изучать! - построжал Белогад. - Мы не для того согласились на ваш к нам перевод, чтобы держать вас в полигонах...

- Ну, не надо. Не надо так, - примиряюще-проникновенно протянул замкомбрига Тетя Фрося. - Командир, мы много поработали с вашим экипажем. Не скажем, что он нас очень радует, но морально он здоров, в послеремонтный период заметно улучшил показатели. И мы надеемся, мало сказать - надеемся, а ожидаем - в походе вы сможете мобилизовать личный состав и выполнить задачу не только на хорошо, но и на отлично. Недавний партактив, а вы на нем присутствовали, прямо указал вам и вашему заместителю - выйти из отстающих. У вас есть сильный резерв - коммунисты и комсомольцы. Надо только энергично и целеустремленно направлять их работу. Замполит у вас молод, но энергичен. И это радует...

- Не боги горшки обжигают, - бодрым баском вклинился Хороший Мужик. - Все когда-то были первыми. Вы, судя по характеристикам, командир наплаванный. Чем можем, тем поможем. Еще что у вас?

- У меня немного. Офицерский состав собран с бору по сосенке. Некоторые не соответствуют требованиям, - глуховатым бесцветным голосом докладывал Неулыба: поставленная задача провела невидимую черту между просьбами и требованиями. - Часть офицеров необходимо заменить.

- Это кого же? - вытянулся лицом Белогад.

- Старпома. Слабоволен, нерешителен. Ни рыба ни мясо. В ремонте, может, и годится, в походе - нет. Командира моторной группы. Ленив, медлителен, рассеян. Штурмана. За пределами видимости берегов не плавал. И боцмана. Эту пьянь с корабля убрать. Докладываю - сей герой на прошлой неделе заложил в притоне у холостячек партбилет. До выкупа. Боцман, между прочим, мой однофамилец. Особисты в мою сторону поглядывают.

- Может, вам весь экипаж заменить? - ехидно прогундосил Белогад. - Товарищ комбриг! Официально заявляю: я на этой лодке достаточно поплавал, заменяя командира, вы знаете. Мой вывод: экипаж сплаван. А вам, новому командиру... авторитет еще и еще завоевывать. Вспомните, сколько я сделал

вам замечаний в море? Вы строптивый товарищ. А чем вам неугоден старший помощник? Дисциплинирован. Предупредителен...

- Не оспариваю, старпом хороший человек, - согласился, спрятав злой взгляд, Неулыба. - К сожалению, таких должностей "для хороших человек" на флоте нет. В монастырях есть.

- Командир, спокойно. Штабом бригады и штабом эскадры приняты определенные меры. К вам прикомандировывается дублером капитан 3 ранга Шепот, с ремонтирующейся лодки. Штурмана усилим. Ваш механик - лучший на бригаде. Боймана, тут мы несколько подзапустили, заменим. Но прием-передача материальных ценностей за такой срок - это уж ваш вопрос, - погасил острую ситуацию Хороший Мужик, - значит все. Готовьте решение на выполнение боевой задачи. Доклад командиру эскадры на утверждение - завтра.

"Дублер-то, может, и хорош, да ведь - "ржавчина", - хотел было возразить Неулыба, но смолчал: все лучше, чем ничего.

- И не забудьте, командир, главное - мобилизовать личный состав. Он вам горы свернет, - обнадежил Тетя Фрося. - Ваша задача - положительный результат похода. Только положительный. И тогда вам прямой путь - сделать лодку "отличной".

Представитель штаба флота отстраненно молчал, явственно свидетельствуя этим молчанием: знакомая история - назначенные к боевой службе всегда плачутся в жилетку.

<h2>x x</h2>

На южной бригаде Неулыба пока что был инородным телом: менее трех месяцев назад прибыл из другого, северного соединения - "королевской бригады", подчиненной непосредственно флоту, и принял бескомандирную лодку из рук начштаба Белогора непосредственно в море, где та после ремонта ускоренно вгонялась в "первую линию".

Прежний штатный командир Веселюк обнаружил в своем организме массу послеремонтных болезней и, не без помощи приятелей-кадровиков, успел перемахнуть на берег, преподавателем в мореходку.

Командирской среде южной бригады Неулыба не представлялся, ибо с прибытием проследовал прямо в море. И только один Грідень, однокашник по училищу, успел предупредить:

- Смотри там, в морях. Начальник штаба - не белый, а самый настоящий гад. И трус.

Неулыба вышел на торпедолове на встречу со своей подводной лодкой в море. В море же начальник штаба немедленно взялся за "воспитание" Неулыбы на потаенный интерес команды, охочей на бесплатные спектакли.

Неулыба сразу почувствовал "новую школу" мелочных придинок и командовал, стиснув зубы: сам напросился, дурак. И, поразмыслив, избрал свою линию поведения - управлял кораблем, не замечая начштаба, чем приводил последнего в бешенство.

<h2>x x</h2>

В северном же соединении, откуда прибыл Неулыба, он прослыл "чокнутым".

Сомнительная популярность Неулыбы началась с невиданной доселе на флотах истории...

Он прибыл на соединение с приказом главкома и предписанием штаба флота. И был встречен более чем прохладно.

Прежний командир Новак на флоте гремел: он "поставил" подводную лодку на уровень передовых, смело выдвинув новый "почин" - личное обращение к Генеральному секретарю ЦК КПСС Никите Хрущеву с рапортом о достигнутых результатах и новых повышенных обязательствах. Почин прошумел во всех флотских и армейских газетах.

Еще в поезде Неулыба чувствовал холодок в груди: командовать такой лодкой и стать достойным ее замечательного экипажа - задача из задач! Не опростоволоситься бы на позор вся и всему!

Новак, заметно привыкший быть в центре внимания, островзглядый хохол, воспринял появление Неулыбы с редкой враждебностью.

Он твердо уверовал в свое повышение, скорое и немалое. Однако "кадры" оказались шутниками: обещанное Новаку назначение шло по номенклатуре флота и на каком-то участке застопорилось. Неулыба же прибыл с приказом главкома. И тем самым Новак до желанного назначения вытряхивался за штат.

Неулыбу он не замечал в упор. А тот, не имея ни гроша в кармане, валялся в офицерской казарме, перечитывал старые газеты и исправно гулял в столовую. Просуществовав таким способом неделю, Неулыба пошел к комбригу:

- Товарищ капитан 1 ранга. Дел я принять и вступить в командование лодкой не могу по причинам, вам известным. Прошу разрешения возвращаться во Владивосток, в кадры.

- Пожалуйста, возвращайтесь, - равнодушно ответил комбриг.

Однако Неулыба не смог насшибать денег на обратный проезд и в канун Великого Октября снова залег в казарме. Бригада предпразднично опустела. Командир Новак вспомнил про недогул и востребовал у комбрига неделю.

Под вечер Неулыбу отыскал рассыльный:

- Товарищ капитан 3 ранга. Вы назначены дежурным по бригаде. Через полчаса развод суточного наряда.

- Передайте тому, кто вас послал, пусть идет на три буквы. Я к исполнению служебных обязанностей не приступал и к бригаде никакого отношения не имею. Кстати, а кто в приказе?

- Указан капитан 2 ранга Новак... Но он с сегодняшнего дня в отпуске...

- Ну, хитрож... хохол! - вырвалось у Неулыбы. - А вы, голубчик, идите. И не оглядывайтесь.

Рассыльный исчез. А через полчаса появился снова:

- Товарищ капитан 3 ранга, развод стоит. Заступать, кроме вас, некому.

- Ладно, черт с вами, - поднялся с койки Неулыба... В этот вечер, когда в бригадном клубе были "мероприятия" - киношки серии "Ну, заяц, погоди!" и ногошарканья "с матросом танцует матрос", дежурный Неулыба, вооруженный липовыми атрибутами власти - повязкой "рцы" и кобурой, - твердо уяснил: на бригаде трезвых двое - обеспечивающий культдосуг подводного воинства флагманский комсомолец и он. Оставив клуб на попечение флагкомсомольца, Неулыба пошел осваивать территорию бригады. Завидев в чернеющих кустах подозрительное шевеление, Неулыба машинально повернул туда.

- Ну, иди, иди, сволочь! Если черепа не жалко, - пообещали кусты.

Неулыба сплюнул и уныло побрел в штаб.

Наутро он с изумлением узнал: по прошедшим докладам на бригаде "замечаний нет", и вообще по военно-морской базе - полный ажур! Кроме четверых старшин именно с той лодки, в командование которой он тщился вступить. Старшины совершили коллективку, напились до чертиков у "халяв" и оказались на лежаках в гарнизонной комендатуре.

В хмурое утро 9 ноября начальник политотдела базы Фисюн по телефону "раздевал" комбрига Спирию и его начпо Гречишкина:

- По всей базе, где тысячи человек, ни одного пьяного! А у вас на передовой лодке - четверо пьяных! И кто? Коммунисты, старшины! Что прикажете докладывать в политуправление флота? Бардак! Возмутительный бардак!

Расширяющийся комбриг вызвал Новака и Неулыбу:

- Ну, вот что! На одной лодке, где два командира и четверо пьяных передовиков-коммунистов, это уж слишком. Новак, вам сегодня же сдать делаИдите...

- Как будем производить прием-передачу? - поинтересовался на выходе Неулыба. - Кого порекомендуете в комиссию? Я ведь людей не знаю... Положен акт...

- Если находите нужным, пишите акт сами, - зло процедил Новак. - Моя лодка в актах не нуждается.

- Что ж, если так, - обозлился в свою очередь Неулыба, - иду на корабль и вступаю в командование. Без акта.

- Надеюсь, найдете дорогу? Я, знаете ли, немножко устал, - не глядя на воспреемника, кинул Новак.

- Думаю, что найду, - в тон ему ответил Неулыба.

- Кстати, не забудьте... там, в офицерской каюте, валяются чьи-то штаны. В пятнах и с бахромой. Не ваши ли?

- Мои, - подтвердил Неулыба.

И в тот же день перевел подводную лодку в завод, перейдя в подчинение отдельному дивизиону ремонтирующихся кораблей.

<h2>x x</h2>

Неделю спустя Неулыба прибыл в бригаду. Решать хоздела.

- Ну, как здоровышко, командир? Кстати, не вижу актिका приемо-передачи, дорогой... - с прищуром встретил его командир береговой базы бригады. На его одутловатой физиономии блуждала препротивная улыбка.

"Все знает. Этому палец в рот не клади", - подумал Неулыба, силясь вспомнить фамилию командира базы а вслух добавил:

- Вступал в командование без акта.

- Да? А вы знаете, дорогой, что на себя приняли? - вторично оскалился, блеснув золотом зубов командир базы.

"Комарницкий! - вспомнил Неулыба. - Как охарактеризовали на дивизионе, щука в камышах. И приятель Новака..."

- Ну и что я на себя принял? - с внешним спокойствием спросил он.

- А вот что... Мне тут орЛижики-интенданты подкинули справочку... И они, дорогуша, свидетельствуют... - зашуршал бумагами Комарницкий, - значит, по недостаткам... По автономному пайку... четыре тысячи восемьсот. По вещевому... две четыреста... По шхиперскому... ну, тут ерунда, тысяча двести. Кстати... за вами числятся еще две боевые торпеды и восемь взрывателей. Надеюсь, вы их не уволокли в завод?

- Нет, торпед я в завод не уволокивал, - мрачно отпарировал Неулыба. - Полагаю, валяются где-то на бригаде. Автономного пайка, по слухам, я не употреблял. И если уж на хваленой-перехваленной такие хвосты, то что же на остальных?.. А впрочем, пустяки! Расчистим!

- Ну-ну! - удивился командир базы. - Давай, милый, трудись!

И Неулыба трудился. В поте лица. Расчищая интендантские завалы.

<h2>x x</h2>

Прошла еще неделя. В каюту Неулыбы на дивизионной плавказарме постучался матрос-дневальный.

- Товарищ командир, там вас офицеры вызывают...

- Не понял. Кто вызывает? - воззрился на матроса Неулыба.

- Ну, я не знаю, - замялся матрос, - офицеры в каюте номер восемь.

Сказали, чтоб вы прибыли... Неулыба понял: господа-офицеры подготовили "шторм-спектакль". Командира вызывают. Сейчас главное - не сорваться на истерику, на крики и визг. Спокойствие и еще раз спокойствие.

В каюте номер восемь в живописных позах валялись офицеры - помощник командира Бородкин, механик Касьян, штурман Древятник. Вся "оппозиция" новому командиру. На столе демонстрировались недопитые бутылки "Московской", раскупоренные банки ветчины, огрызки колбасы и ошкурки тараньки. Вся закуска из лодочного автономного пайка, который в базе не положен. Разбазарен в недостатку.

Помощник командира Бородкин, низенький румяный крепыш со сверкающими глазками, имел на бригаде особый статус. Кадровая легенда Бородкина гласила: в войну на его, пятилетнего ребенка, глазах расстреляна райкомовка-мать; два года скитался по оккупированной Украине мальчик-звереныш; потом - "партизанский сын", позднее - "воспитанник-нахимовец", далее - курсант и офицер флота. Всю накопленную яростную ненависть против "гадов человечества" Бородкин слепо перенес на нового командира Неулыбу. Он же, в ослеплении ненависти, и организовал (Неулыба догадывался об этом), завладев печатью, подделку требований-накладных на получение с бербазы бригады автономного пайка, спирта и прочих подводных ценностей. Ответственность - на командире.

Механик Касьян, по бригадному прозвищу "Челкаш", длинный и косматый хохол с маской сытого безразличия на заросшей физиономии. Известен тем, что никогда не стригся, не умывался, ходил в рваных штанах и опорках на босу ногу. Поговаривали, что в море флагмех бригады, не выдержав козлиного духа, время от времени тасил Касьяна за шиворот к умывальнику, собственноручно намазывая его диссидентскую гриву. Но... подводный ас. Сейчас механик лежал на диванчике, упершись рваными штиблетами в переборку, и целился окурком в приклеенную хлебным мякишем Диву.

Штурман Древятник, огромный флегматичный красавец со слегка оплывшей физиономией, равнодушно смотрел сквозь Неулыбу. Славился тем, что походя покорял гарнизонных девиц, пытавшихся достать его и на заводе.

Неулыба покосился на бутылки, смахнул огрызки и присел к столику:

- Ну-с, чему обязан? Между прочим, водку-то могли бы к моему приходу и убрать. Все-таки плавказарма с военно-морским флагом...

- А это у нас проявитель и закрепитель! - вызывающе отчеканил раскрасневшийся, по-дуэльному сверкая глазками, помощник командира.

- Ну, если это проявитель и закрепитель, тогда конечно. Только прошу наклеить соответствующие этикетки. Чтоб не вводить в заблуждение, - подчеркнуто спокойно произнес Неулыба. - Мало ли что, вдруг Никита Хрущев на свою подшефную припожалует. Конфуз будет. Когда наклеите, поставьте в известность.

И вышел из каюты. Спектакля не получилось. Неулыба почувствовал: только выдержка - его оружие. Он не побежал к командованию дивизиона - это было бы унижительно, чревато потерей "лица". Королевская северная бригада, помнится, ставила ремонтный дивизион ни в грош.

Выбрав время, Неулыба отправился в политотдел бригады:

- Прошу убрать с подводной лодки всю эту пьяную кодлу, - в открытую

обратился он к начальнику политотдела.

- Как это понимать? Это наш лучший экипаж! Передовой на флоте! Выходит, вся бригада не в ногу, а вы один в ногу? - взорвался начальник политотдела.

- Я не знаю, как это понимать. Не хочу обвинять кого-либо в очковтирательстве. Но вы не станете отрицать, что за три недели я не мог, даже если б и захотел, разложить офицеров и экипаж. Докладываю: позавчера механик Касьян и штурман Древятник задержаны милицией ночью, по форме "ноль", даже без трусов. Гуляли, не хватило, пытались взломать винный магазин.

- Это что же, они по дивизиону нагишом бегали? - ядовито допытывался Гречишник.

- Зачем на дивизионе? В городе, на квартире одного из отцов города, с секретным телефоном. Установлено абсолютно точно. Я ставлю вопрос о замене этих офицеров.

- Всех, что ли? - с недоброй усмешкой оборвал Неулыбу вошедший в кабинет командир бригады. - Никак нет, не всех. Осмелюсь напомнить, у меня вакантные должности - замполита, старпома, минера, врача. Следовательно, кроме начальника РТС, всех остальных.

- Вы нам ставите условия?

- Условий ставить не могу. Но офицеров прошу заменить. В противном случае буду вынужден обратиться напрямую в политуправление флота. Потребую прислать комиссию.

- А где мы вам возьмем офицеров? Ищите в таком случае сами, - цепко оглядел нахала комбриг. Он почуял недоброе: формально лодка вышла из подчинения бригады, и этот стоящий перед ним "чужак" мог наделать бригаде существенных неприятностей.

- Офицеров найду. Этих заберите. Разрешите быть свободным?.. И он нашел офицеров. На танцульках в базовом Доме культуры. По совету доброхотов подзывал к себе фланирующих заштатников. "Штурман Шалыга, - подсказывали гарнизонные языки, - ревнив до безумия. Врезал по морде одному из начальников". Сойдет. Я лично до чужих жен не охоч. Будет чаще бегать домой. "Механик Аксельрод. В море в аварийной ситуации растерялся. Отстранен за трусость".

Годится. В ближайшие полгода наша лодка, даст Бог, не утонет. Глубина у заводской стенки маловата. За это время поставим на ноги. Лишь бы не воровал спирт...

"Минер Воробей. Честен. Изжит командиром за прямолинейность. Не пьет. Идеальный..."

И этот подойдет. Торпедные аппараты мои пока не стреляют. Раз не пьет, значит и другим не даст...

- Ну, что, орЛики, пойдете ко мне? - напрямик спросил он сбившихся в кучу заштатников.

- Пойдем! - хором ответствовали безработные "орЛики".

И спустя некоторое время старая когорта "орлов Новака", выдав прощальный "бемс", собрала пожитки и с матюками убралась на бригаду. Там они котировались как первоклассные морские спецы.

А Неулыба с помощью новых "ореликов" начал наводить в команде нудный базовый порядок. Для почина изъял у мичманов-старшин команд липовые требования-накладные, щедро розданные на прощание мятежным помощником Бородкиным.

<h2>х х</h2>

Наступил канун Нового года. Неожиданно Неулыбу выдернул на связь флагмех бригады.

- Здоров, командир. Ты ничего не забыл? - ехидно спросила телефонная трубка.

- Здравия желаю. Вроде бы ничего, - отвечивал в проводную даль Неулыба, сиюсья понять причину столь необычного вызова.

- В самом деле, ничего? А какое сегодня число?

- Сегодня? Двадцать восьмое. Кажется, декабря. А в чем дело?

- А дело, дорогой, в том, что на твоём лимите восемьдесят шесть килограммов спирта! Думай, дорогой! Только быстро думай. Завтра печатаваю техсклад.

- А мне спирт не нужен, - внезапно созрел Неулыба.

- Не понял... Ты, командир, случаем, не того? - удивилась трубка.

- Вроде бы не того. Повторяю, спирт мне не нужен, - повторил в дребезжающую даль Неулыба.

- Да ты понимаешь ли, что говоришь?! - взорвалась трубка. - Ну, и ну! Да я тебе на эти самые килограммы на следующий год лимит срежу!

- Режьте! - утвердился в своём решении Неулыба. С этой памятной даты по северной базе пошел гудЖ: нашелся на военно-морском флоте первый идиот, добровольно отказавшийся от "валюты из валют"! Да еще в таком невыслимом исчислении!

Дикая слава Неулыбы росла как снежный ком. Общественность заволновалась.

"Не может такого быть! Ни в жисть не поверим!" - решил базовый женсовет.

И отрядил делегаток из командирских жен отловить и разглядеть в упор такую редкостную личность.

А личность продолжала изводить пьяную крамолу, теперь уже среди мичманов и старшин. Всеми мыслимыми способами.

<h2>х х</h2>

Шло время. Неулыба чувствовал: быть ему в ремонтах до пенсии. И начал бомбить все возможные инстанции: или помогите вывести лодку из бесконечного ремонта, или переведите на плавающую лодку.

И в том был резон: поставленная в ремонт сроком на шесть месяцев с лимитом в восемьсот тысяч рублей, лодка простояла уже свыше двух лет, "съела" лимитов миллион двести тысяч и застряла где-то на середине технической готовности...

Задним числом Неулыба прослышал: после его убития лодка простояла в ремонте еще два года и была перебуксирована для завершения ремонта на Дальзавод в главную базу флота...

- Хороший офицер. Не пьет, - жестяным голосом охарактеризовал Неулыбу командир дивизиона, вручая ему в кругу ремонтных командиров прощальную грамоту. И пробормотав стандартное "Служу Советскому Союзу", непьющая личность отправилась к новому месту службы.

<h2>х х</h2>

За период "ржавого сидения" в ремонте Неулыба, не жалея тощих рублей, еженедельно мотался в пургу и мороз, на катерах и автобусах в базовый

тренажерный кабинет торпедных атак. Расстояние, по дальневосточным меркам, пллвое - за семьдесят километров. Иногда со своим "расчетом", временами в одиночку. И упорно тренировал сам себя на тренажерах - в торпедных атаках и уклонениях от преследования противником. Он очень боялся потерять приобретенную на командирских классах "форму". Никто Неулыбу не контролировал и к вояжам не обязывал. Неулыба боялся и другого - сойти на традиционную командирскую "ресторанную тропу".

На сентябрьских флотских учениях 1962 года Неулыба напросился дублером на лодку Лопато. Группа лодок северной бригады вышла, обогнув Сахалин с севера, и в Охотском море попала в жестокий шторм-мордотык. Лодкам надлежало пересечь Охотское море в надводном положении и выйти в океан.

Командира Лопато, гастритчика-язвенника, быстро скрутила животная болезнь; старший на походе замкомбрига Шеметень залег в командирской берлоге. А дублеру Неулыбе, "ржавчине" - по выражению северян, выпала честь простоять бессменные трое суток на утлом мостике лодки, не столько для командирской вахты, сколько для страховки вахтенных офицеров. Рулевые и сигнальщики были убраны в центральный пост. Прихваченные к сварным рельсам пожарными поясами, вахтенные офицеры и с ними Неулыба, промокшие до потаанных мест, напряженно вглядывались в ревущую темь, поминутно ныряя под козырек, когда огромные, зло кипящие валы накрывали мостик и с шумом проносились в корму. Лодка со стоном угрожающе опускала нос в очередную бездну и тяжело выворачивалась через неумолимо приближающиеся водяные горы. Дизель тяжело урчал, забирая воздух через расклиненный рубочный люк - для предотвращения обрушивания водяных столбов в центральный пост и внезапного захлопывания. Захлоп и присос люка грозил резким вакуумом и остановкой дизеля.

За эти трое суток Неулыба, для "бодрости" духа, успел пересказать вахтенным лейтенантам весь запас накопленных знаний из области морских наук, теорий, историй и случаев. Между поминутными ныряниями под козырек мостика, выплевыванием в ревущую стихию мокрых окурков и прихлебами кофе. Тяжелый чайник, подаваемый вахтой через люк, офицеры придавливали меж ног, а кружку и сахар Неулыба держал за пазухой. Неулыба выдюжил. И заработал среди молодых прозвище - "настоящий", а среди себе подобных - "трехжильный".

В период Карибского кризиса Неулыба по собственной инициативе (или, как сам говорил, по дурости) напросился дублером командира на лодку Качана. Лодка вышла на боевую позицию в океан. Двадцать суток скрытного маневрирования на позиции запомнились кошмаром непрерывных ноябрьских штормов и борьбы с поломками. Таких штормов, когда ради полусна приходилось прикручивать тело крепкими штертами (небольшие снасти, служащие для крепления корабельного имущества) к отсечным магистралям.

Разделяя походное время, Неулыба взял на себя ночи, когда в надводном положении лодка ныряла в водяные пропасти и вылетала на кипящие горы. Вахта мостика с затаенным ужасом следила, как угрожающе надвигалась очередная громадина, грозя утащить лодку в пучину. Но лодка - умное же существо! - в очередной раз, кренясь до предела, со стоном выбиралась на взгорье и сбрасывала с себя тяжесть волн.

Но в конце концов это было заурядно. В конце пребывания на позиции командир и механик начали шушукаться, укрывшись в каюте. Оказалось, на лодке кончается запас соляра, так как перед выходом в поход недопринято топлива в три из десяти цистерн. Выяснилась и причина: во время приемки топлива механик передоверил сие "движку" (командир моторной группы); тот удрал на

свидание, понадеявшись на старшину мотористов; этот рванул к "халяве", командир отделения мотористов - "годок" сбегал "на пару часиков" в самоволку, а последний по цепочке "молодой" сбегал на "кинуху" в бригадный клуб...

И все же умная лодка выкрутилась и на сей раз - возвратилась в базу на подсосе остатков топлива из трубопроводов и разряде плотности аккумуляторной батареи до воды.

Во всяком случае, топлива на ошвартованной к пирсу лодке не было найдено ни литра. Этот факт на бригаде не раздували. Возвратились, ну и ладно. Флоту об этом знать незачем...

<h2>x x</h2>

Тем не менее командование северной бригады припомнило Неулыбе "кое-что". Два автономных похода бригада "не приняла во внимание". В аттестации Неулыбы отмечалось: "Может поддерживать дисциплину. Достаточной морской выучки не приобрел". Напоследок "чужака" лягнули-таки. На бумаге.

И этой характеристикой руководствовалось теперь командование южной бригады.

Вырвавшись из морей в базу на ежемесячный ППО и ППР (планово-предупредительный осмотр и ремонт), Неулыба первым делом учинил смотр лодочному хозяйству - базовым счетам, запасам и кладовкам.

По мелочевке оказалось - за лодкой числится оборудование трех "ленкомнат", недочет по шхиперскому и вещевому на двадцать тысяч. Но самым неожиданным оказалось другое: при плановой замене торпеды в кормовых аппаратах оказались... без взрывателей.

Неулыба стиснул зубы - с кого спрос? Прежний командир, которого он в глаза не видел, в мореходном училище. В случае чего - отбрешется: "Я - не я, и лошадь была не моя". Минер убыл на Балтику. А старшина команды торпедистов, "дембель", уже машет ручкой из-за Уральского хребта.

Сопровождаемый офицерами (с записными книжками), Неулыба обследовал кладовки-"гадюшники" и казарму. Первое, на что он наткнулся, - пирамида из обожженных патронов регенерации в казарменном санузле. Среди писсуарных потшков.

- Откуда это? - повернулся он к старпому.

- Это? - преданно глядя в глаза Неулыбе, с готовностью доложил, явно ожидая похвалы за рачительность, старпом Халваныч. - Это мы из завода прихватили. Знаете, очень хорошо приборки делать. Всю грязь съедает.

- Намереваетесь маленькую Хиросиму устроить, а? - сквозь зубы процедил Неулыба. - Надеюсь, вы понимаете, насколько это опасно, старпом?

- Так точно... То есть, никак нет. Хиросиму не хотим.

- Ну а если никак нет, сегодня же сдать на химсклад! На исходе дня Неулыба вызвал старпома:

- Регенерация?

- Я поручил сдать помощнику. Он начальник химслужбы, - бодро доложил Халваныч.

- Помощника сюда! Сдали регенерацию?

- Никак нет, - флегматичный помощник Крупень был непробиваем, - флагхим зарубил приемку. Требуется вычистить, покрасить, восстановить трафареты.

- Вас понял, дорогие мои помощнички. Ну, и что же?

- Выделена группа. Чистят, красят.

- Смотрите, старпом, - повернулся к Халванычу Неулыба, - с огнем играете. Спрос с вас. А вы не забыли, что назавтра выход?
- Есть, смотреть. А мы на чистку регенерации оставляем группу болящих.
- Крупень, останетесь вы.
- Есть, остаться, - флегматично ответил помощник. На его лице мелькнуло что-то вроде: а я все равно списываюсь.

Наутро лодка ушла в море. А через неделю была отозвана в базу. На партийный актив.

На активе Неулыбину лодку полоскали все, кто добирался до трибуны: лодка по всем показателям шла последней. Неулыба и его верный "комиссар" Хорт сидели с каменными физиономиями.

На трибуну поднялся Тетя Фрося и драматически возвел глаза к потолку.

- Сейчас будет вытирать об тебя ноги, - толкнул Неулыбу сидящий рядом Гридень.

"Товарищи коммунисты! Весь личный состав бригады, настойчиво овладевая наукой боевого мастерства, воодушевленный решениями январского пленума ЦК КПСС, дружно включился в социалистическое соревнование и добивается высших результатов в боевой и политической подготовке. Рад доложить активу, что к великому празднику Первомая по итогам за зимний период командованием флота объявлены "отличными" две подводные лодки нашей бригады, где командирами товарищи Катмыш и Тарановский. Поаплодируем им, товарищи подводники!"

Подводники похлопали.

- Это не у Тарана ли сперли сейф с партийными взносами? - шепнул Хорту Неулыба.

- У него, - так же шепотом ответил Хорт.

"Но в то же время вынужден вам доложить, товарищи, что есть среди нас нежелающие следовать этому славному почину передовых. Вот, например, коммунисты Неулыба и Хорт. Перед ними поставлен по-партийному принципиальный вопрос - когда они сделают свою подводную лодку "отличной". Что же они ответили? Они имели смелость, я не хочу упоминать слово "нахальство", заявить: если "сделать", то хоть завтра, если поднять "до уровня", то через три года. И как мотивируют! Нет, вы только послушайте! Аргументируют так: на следующий год лодка будет посредственной, через год хорошей, а через два - твердо хорошей, через три - если Бог даст - и "отличной". Думаю, что партийная комиссия даст принципиальную оценку вашей позиции, коммунисты Неулыба и Хорт..."

И все-таки главный удар, ниже пояса, нанес Неулыбе и Хорту прорвавшийся на трибуну "флагманский окурок" эскадры, начальник отдела устройства службы Никита Шушаков. Старый фронтовой служака, Никита не знал компромиссов и на подхалимские заигрыши командиров и старпомов был неумолим.

Он протер тряпочкой очки, оглядел актив и тяжело вздохнул:

- Я хочу проинформировать всех присутствующих, товарищи подводники, как грубо нарушаются требования уставов. Экипаж командира Неулыбы, уходя в море, вместо сдачи на склад свалил старые патроны регенерации в кусты возле уреза воды. Вы все знаете, что бывает, когда в регенерацию поступает морская вода. Но это еще не все. Пользуясь бесконтрольностью и халатностью дежурной службы бригады, подростки из поселка бухты Анны проникли на территорию и утащили несколько коробок регенерации. Разожгли на сопке костер, начали бросать туда коробки. Вы знаете, какие фейерверки дает горящая регенерация. Но это пацанам показалось мало, часть их проникла на близрасположенный склад

"Арктикснаба" и украла несколько шашек аммонала. Начали начинять коробки регенерации и бросать в костер. Взрыв! Шести пацанов как не бывало! Милиция еще не докопалась до всего этого, откуда взрывчатка, откуда фейерверки. Ходу на нашу территорию ей нет... Я требую дать этому принципиальную оценку.

"Принципиальная оценка" факту была задержана до срока: подводная лодка заканчивала экстренное приготовление к выходу в море. Причиной задержки заинтересовался КП флота. По требованию оперативной службы Неулыба и Хорт побежали на пирс.

- Подводная лодка к бою и походу готова, - рапортовал у сходни, забросив "лапу к уху", старпом. - Личный состав на борту. Помощник заболел, обострение язвы, отправлен в санчасть.

- Старпом, а где же та регенерация? Почему на партактиве я узнаю, что она валяется в кустах?

Старпом Халваныч ссутулился и преданно молчал.

- Ну, этого я вам и помощнику не прощу, - зло пнул сапогом сходню Неулыба...

По программе контрольного выхода лодка шла по "красной строке" подготовки к боевой службе.

Прокуратура флота заминала "это дело". Вслед за ней - и районная. Вешать на себя "собак" и зарабатывать головную боль никому не хотелось.

Замполит Хорт, молодой белобрысый энтузиаст, с деланным оживлением ворвался в каюту командира.

- Товарищ командир. Вам велено ехать домой. Отдыхать.

Неулыба сумрачно оглядел своего "комиссара": молод, зелен, увлекающийся. Перевел глаза на разбросанные бумаги:

- У меня уйма дел...

- С делами управимся.

- С моими-то делами? Управитесь? - криво усмехнулся Неулыба.

- Управимся, товарищ командир. Езжайте и ни о чем не думайте.

- А кем это, интересно знать, велено? Хорт неопределенно пожал плечами и возвел глаза к потолку: сверху приказано.

- А вам, что... отдыхать не надобно?

Хорт усмехнулся. Вопрос командира звучал глуповато. Без слов ясно - в походе от командира зависело все... А мы успеем.

"Выгоняют на подзарядку", - мелькнуло в голове Неулыбы. Он окинул взглядом "комиссара" и криво усмехнулся во второй раз:

- А пить... дозволяют?

- Это можно.

- И с девочками можно?

- И с девочками. В пределах, разумеется, - принял тон командира Хорт.

- Ну ладно. Если ты уж, комиссар, такой хороший... Передай мои приветы тем, кто обо мне так трогательно заботится...

И нахлобучил фуражку с позеленевшим крабом.

<h2>x x x</h2>

В лесу отцветала, исходила жизненными силами весна. Нашумливал верховой ветер. Тихо тренькали невидимые пташки. В просветах меж деревьев стремились куда-то невесомые облака.

В лесу - трое. Соседка, жена и он, Неулыба. Неулыбина жена,

жизнерадостная хохотушка, чувствовала: на мужа что-то давит тяжелое. И он об этом не скажет. И преувеличенно весело бросила:

- Ну, вы тут посидите без меня. А я за цветочками.

Коньяк, отпущенный в неограниченном количестве, Неулыбу не забирал. Он, улегшись на спину, глядел на облака. Бегущие, легкие, белоснежные. Наползала тоска. Тяжелая, каменная.

Пестренькая букашка выползла на руку и, сердито шевеля усиками, уставилась на Неулыбу: а ты чего тут?

"Эх, ты, дурашка! Я ведь и раздавить могу. Однако живи. Не на меня смотри. На облака. Дыши ветром".

Мысли Неулыбы были там, в неведомом, полном неожиданностей и опасностей враждебном мире. Как предугадать? Что сделать, чтобы обойти эти опасности? Этого он не ведал. Знал одно: за ним пятьдесят пять душ. При мысли об этом сердце сжималось от загнанного вглубь, но упорно выползающего страха. А за этими душами? Сколько их там еще, надеющихся, не догадывающихся о Неулыбиных страхах? Уверенных, что он, командир, все может - не подведет, вывезет, возвратит. Не догадывающихся, что Неулыба тоже слаб и, может быть, больше других. Уповающих на его знания, волю, мудрость, которых, казалось ему, не хватало.

Тоска давила. А наверху бежали такие легкие-прелегкие, красивые и равнодушные облака.

Неулыба обнаруживал в себе нестерпимое желание - скорее туда, пройти через все, что должно быть пройдено. Предстоящее уже завораживающе тянуло к себе. Как лягушку взгляд змеи.

- Вот вам, голубки, - и жена осыпала лежащих ворохом цветов.

"Хоронишь, что ли?" - с досадой подумал Неулыба.

- Ну, еще по одной. И домой. Детки плачут, с голоду умирают, - пропела она речитативом, видимо, поняв настрой "голубков".

Соседка кусала травинку и молчала. Она думала о своем Володьке, тоже командире, который в это время советником в далекой Индонезии зарабатывал рупии и тропический тиф. Впрочем, про тиф она еще не знала...

А облака все плыли. И шумел верховой ветер. Только букашка куда-то скрылась, озабоченная своими букашкиными проблемами.

- Ну-с, командир. Доложите предварительно ваше решение, которое будет утверждать ваш командир эскадры. Поясняю, я действую по указанию командующего флотом, - суховатым тоном распорядился представитель штаба флота.

Присутствующие - Хороший Мужик, Тетя Фрося, Белогад, начальник разведки эскадры - глядели на Неулыбу и выжидательно молчали.

- Мое решение регламентируется выполнением статей НПЛ-59. Переход совершаю в смешанном режиме, с максимально возможной скрытностью...

- Что значит с максимально возможной? Поясните, - перебил представитель флота.

- Днем на глубине, где возможно - под слоем температурного скачка; на сеансы связи подвсплываю, тщательно обследовав горизонт пассивными средствами. Ночью, если метеообстановка сложна, - в надводном положении, в тихую погоду и хорошую видимость - под РДП (режим работы дизеля под водой). Уклоняться от обнаруженных огней судов на дальности видимости горизонта, приведением их за траверз.

- Уточняю. Надводное положение - только в проливных зонах. В открытом море - только под РДП. Комфлот ставит дополнительную задачу - за поход наплавать не менее 90% времени в подводном положении. Кроме основной задачи, вам ставится вторая, не менее важная - использовать до предела технические возможности по скрытности подводной лодки своего проекта.

- А почему об этом не сказано в боевом распоряжении? - с деланной наивностью спросил Неулыба.

- Вопросы задаю я, отвечаете вы, - сухо отпарировал представитель флота.

- Совершенно верно. Совершенно верно, - вмешался активный Белогад; в присутствии начальства он предпочитал необычно демократический тон. - Скрытность - основа успеха в выполнении задачи. Командир, я же вас учил - уважать режим РДП!

"А без вас я и не догадывался, что скрытность - главное оружие лодки. Спасибо за подсказ, товарищ начштаба. Но черта с два. Ночью, в кромешной тьме под перископами и при грохоте дизеля? Слеп и глух, как мычащая корова", - подумал Неулыба, но вступать в дискуссию не стал...

Он еще не мог знать, что пять лет спустя скорые на прозвища янки назовут этот режим советских подводных лодок "ревушая корова", а после гибели ПЛ К-129 (лодка Кобзаря) в океане главком ВМФ своей директивой вообще запретит плавание подводных лодок под РДП на боевой службе...

- А как вы будете действовать, обнаружив работу низкочастотных гидролокаторов? - как репей вцепился в Неулыбу представитель флота.

- Разработанная на эскадре инструкция регламентирует: уклоняться расхождением на дистанции не менее 60 кабельтовых. Обнаружить шумы винтов корабля своей ШПС (шумопеленгаторная станция) я могу на дистанции тоже порядка 60 кабельтовых. Следовательно, обнаружив работу низкочастотных ГАС (гидроакустическая станция), я должен предполагать, что и сам уже обнаружен противником. Как выйти из создавшегося положения, подскажет обстановка...

- А как вы будете вести слежение за главными объектами, находясь внутри ордера кораблей охранения?

Как выполнять такую задачу, имея шумопеленгаторы с дальностью, меньшей "зон освещения" низкочастотных гидролокаторов кораблей охранения авианосцев, Неулыба не знал. Он молча пожал плечами: "Это называется - и рыбку съест, и на крючок не сест".

Впрочем, он догадывался: товарищ из штаба флота, вероятный творец боевого распоряжения, не знает этого и сам.

Но то было время, когда было модным "ставить задачи", не задумываясь о возможностях их выполнения. По формуле: "Что значит не могу, когда партия приказала?!"

- А как вы намерены форсировать Корейский пролив?

- В боевом распоряжении указано однозначно - ночью, в надводном положении, - удивленно ответил Неулыба: представителю следовало бы знать об этом. И добавил: - Полным ходом, без ходовых огней.

- Вот именно. Пролив проскочить в кратчайший срок, - безапелляционно резюмировал представитель флота. - Кроме всего прочего, при погружении вас понесет обратно в Японское море сильное встречное течение.

- Главное, командир, спокойствие и осмотрительность. Не спешить, - внес свою лепту Хороший Мужик. - Семь раз отмерь, один раз отрежь.

Неулыба покосился на комбрига, но смолчал.

- Не забывайте требований НПЛ-59. Меньше отсебятины. Учитывайте мои рекомендации, - вклинился вездесущий Белогад.

- При всем том помните, командир, - опора на коммунистов. Правильная постановка партийной работы в походе - основа основ, - добавил Тетя Фрося.

Против столь четких указаний Неулыба возражать не стал. Он еще не знал, но чувствовал, что будет вынужден действовать как раз наоборот. Когда считанные секунды будут решать все.

- Ну, а теперь - на доклад к командиру эскадры... - подытожил Хороший Мужик. - Обращаю внимание на четкий, уставной доклад.

<h2>x x x</h2>

Глубокой ночью подводная лодка закончила приготовление к бою и походу. Сообщение экипажа с берегом прервано. Список экипажа, заверенный гербовой печатью, оставлен на КП эскадры. Получена прибрежная обстановка. Запрошен флот.

Флот приказал "ждать". Лодка стояла у пирса в полной темноте. Неулыба смолит сигарету под телефонным грибком и сдержанно чертыхался. Эта задержка ничего хорошего не сулила.

Наконец заверещал телефон. Оперативный дежурный:

- К вам направляется представитель из академии. Пойдет с вами.

- Какой еще представитель? Что я с ним буду делать? У меня и без него как селедок в бочке! - разозлился Неулыба.

- Не какой-то, а капитан 1 ранга. С кафедры военно-морского искусства. Горит желанием набраться практического опыта. Гордись - у тебя! В учебники попадешь, - перешла на "ты" трубка. - А вообще приказы не обсуждают. С прибытием "академика" на борт - доложить и "добро" на выход.

- А сколько ему лет, этому "академику"? - рявкнул Неулыба.

- Судя по чину, от сорока до двухсот, - ядовито отпарировала трубка.

- Да он в ящик сыграет в субтропиках! А у меня досок нет.

- Корми отборным овсом, пои ключевой водой, авось не сыграет. А вообще-то это уж твои трудности, - завершила дебаты трубка.

Неулыба сплюнул в темноту: вот идиоты! Ни холодильников, ни кондиционеров, ни свободных койко-мест на лодке не было.

Море было спокойно. Командир это чувствовал, внимательно следя за медленно ползущей влево стрелкой глубиномера.

- Поднять перископ!

Перископ беззвучно скользнул вверх. Откинута рукоятка. Неулыба вдавил бровь в резину окуляра.

По мере всплытия толща воды приобретала темный, затем светло-бутылочный цвет и, наконец, становилась ярко-изумрудной. Головка перископа осторожно выскользнула из воды. Ровно настолько, сколько требовалось: двадцать сантиметров.

"Молоток, боцман! Ювелирно горизонталишь", - мысленно похвалил командир. Искусство подводников - не зарываться в бурун и не высываться: высота головки более полуметра уже считалась топорной работой.

В ряби убегающих волн на западе хмурнела вечерняя заря. Приближался самый нужный момент, когда высыпают первые звезды, а горизонт еще различим в ночной мгле.

Лодка остро нуждалась в обсервации (определение места судна в море по небесным светилам или береговым предметам), ибо уже двое суток шла по числению. Береговые радиомаяки из-за дальности практически не

прослушивались.

Выждав положенное время и убедившись в отсутствии в обозримом пространстве "двуногих", лодка выбросилась на поверхность.

Откинув массивный рубочный люк, Неулыба взбежал по вертикальному трапу на мостик. Вокруг, в ограждении рубки и на невидимых уже оконечностях корпуса, с шумом обрушивалась белая кипень воды. Остро пахло солью и йодом.

- Штурманскому расчету наверх!

Расчет в три человека, с обезьяньей цепкостью балансируя на ограждении мостика, в быстро густеющей темноте начал взятие высот звезд. В жесткие временные нормативы.

- То-овсь!.. Ноль!

- Есть, ноль!

- Сириус. Тридцать два градуса, ноль восемь минут и две десятых...

Арктур. Сорок три градуса, шестнадцать минут и три десятых...

Пока расчет производил астрономические наблюдения, по команде с мостика отсечные "шустрики", выстроившись цепочкой в центральном и на рубочном трапе, начали вышвыривать за борт скопившийся за сутки лодочный мусор - в основном консервные банки, обязательно продырявленные. Дабы не задерживались на поверхности. Выброс мусора в ночи казался грохотом.

- Внизу! Веселее с мусором!

Главная опасность для подводной лодки в море-базовая патрульная авиация. Эта сволочь имеет привычку подкрадываться на малых высотах и неожиданно включать в "однообзор" радиолокатор. А "засвеченная" подводная лодка - это уже не лодка, а беззащитная каракатица. Выручить ее в этом случае могли только глубина и бешеный маневр с целью выскользнуть из поля радиогидроакустических буев или магнитометра, а в боевой обстановке - вывернуться и от парочки самонаводящихся двухплоскостных торпед.

Недаром американское командование выплачивало солидные доллары всякому самолету, кораблю и даже рыболовному судну, обнаружившему в море подводную лодку. Будь то силуэт, бурун или хотя бы след.

Но сейчас было тихо. Воздушный и корабельный супостаты шарили где-то там, на подходах к проливам, куда прокладывала скрытный маршрут Неулыбина субмарина.

Спустя некоторое время лодка погрузилась на перископную глубину и стала под РДП. Поднята воздухозаборная шахта, снабженная поплавковым клапаном от внезапной волны; запущен дизель, который с натугой и глухим урчанием начал засос воздуха и выброс газов через отдельный газопровод за борт.

Наука плавания под РДП была весьма сложной: обмерзание зимой или перекося поплавкового клапана, внезапная остановка дизеля и сброс давления на газовыхлопе всегда чреваты опасностью приема больших масс воды в дизельный отсек и провалом лодки на большие глубины из-за резкого нарастания отрицательной плавучести. Кроме того, идущая под РДП лодка демаскировала себя шумом дизеля и газовыхлопом в воду, сама оставаясь практически глухой. Существовала и другая опасность: попасть под таран судна или влезть в сети.

Скверный режим. Но согласно тогдашним тактическим канонам, утвердившимся с времен 2-й мировой войны, он считался "скрытным". Он имел и другой недостаток: зарядка аккумуляторной батареи сильно растягивалась по времени - дизель работал с перегрузом, второй запустить было невозможно.

Для рулевых-горизонтальщиков удержание лодки на строго заданной глубине требовало идеальной подготовки и подчас становилось сущим проклятием: на встречной волне лодка зарывалась, на попутной резко возрастала опасность придавливания и провала, на бортовой лодку мотало, как маятник.

Для наблюдения за горизонтом и небом выставлялась двойная офицерская вахта - на зенитный и командирский перископы. Эта вахта выматывала офицеров до рези в глазах, хотя центральный пост и затемнялся до предела.

Но он имел и преимущество: возможность "курцам" поочередно шмыгнуть в дизельный отсек и хватануть табачной гадости. Как правило, "на троих". Неулыба тоже был заядлый курильщик.

<h2>x x x</h2>

Подводной лодке везло - трехсуточный переход в пустынном море втягивал экипаж в режим. Но он таил в себе и опасность привычки. Той самой, которая погубила К-129 пять лет спустя - лихачески плавать под РДП даже в штормовом океане...

На четвертую ночь везение закончилось.

- Лодка тяжелеет, - глухо доложил боцман, манипулируя штурвалами рулей и неотрывно следя за стрелкой глубиномера.

- Товарищ командир! Поступление воды в газопровод, - с заметной тревогой доложил механик.

- Стоп дизель! Срочное погружение! Боцман, держать глубину семь метров, - скомандовал Неулыба. Застопорен дизель, сработали воздушные и газовые захлопки. Глухо взвыли электромоторы, переключенные на средний ход.

- Лодка тяжелеет на корму, - с завораживающим спокойствием, как о чем-то постороннем, докладывал боцман Михалыч.

- Боцман, всплывать! Продуть среднюю!

Лодка с шумом выброшена на поверхность. Командир выбежал на мостик, ослепленный непроглядной тьмой.

Горизонт пустынен. И это успокаивало. Пущен дизель на продувание главного балласта, лодка переводилась в крейсерское положение.

Неулыба всплыл на подходах к проливной зоне, где (он ощущал это всей кожей) грудились противолодочные силы. И принял первое отступающее от боевого распоряжения решение - повернул лодку на обратный маршрут. В пустынный район моря...

- Товарищ командир, - высунулся в рубочный люк механик Ильич, - необходимо вскрыть газопровод в надстройке. Не держит двубойная газовая захлопка.

- М-да! И сколько времени на все это?

- Если прогорела резина, до рассвета управимся.

- Работа дизеля?

- Нежелательна.

- Но ведь будет разгерметизирован прочный корпус?

- Да, до устранения будем лишены способности погружаться.

- Что ж, готовьте ремонтно-аварийную группу. Фонарики. Прожектора не будет. До рассвета газопровод закрыть.

- Ясно. Внизу! Подготовить группу мотористов и трюмных для работ с газопроводом. Аварийный набор, фонарики, страховочные пояса, - прокричав это, механик Ильич скользнул вниз.

<h2>x x x</h2>

Лодка под электромоторами уходила на север. Верхняя ходовая вахта - офицер, сигнальщик - настороженно рассматривала в бинокли предполагаемый в темени горизонт. Потеряв возможность уйти в спасительные глубины, люди на

мостики чувствовали себя крайне неудобно.

В кормовой проницаемой надстройке стучали и глухо бормотали мотористы, в вырезах шпигатов (отверстие в фальшборте или палубном настиле судна) время от времени мелькали лучики фонаря.

На исходе ночи механик Ильич вскарабкался по скоб-трапу на ходовой мостик и вплотную приблизил чумазое лицо к командиру:

- Неважные дела, товарищ командир. Погнута ось двубойной газовой захлопки. Под тарелку на комингс при срабатывании попала блуждающая в трубопроводе гайка. Какая-то сволочь из "гегемонов" бросила ее там во время заводского ремонта...

- Заменить ось невозможно?

- Что вы? Фигурная, такой в ЗИПе и вообще на лодке нет. Нужна правка кувалдометром в нагретом состоянии.

- М-да! Приятная новость. В отсеке?

- На месте. Будем греть газосваркой докрасна. Но для этого - еще одна ночь.

- Газопровод закрыт?

- Загерметизирован. Прижата захлопка. Домкратом.

- Погружаться сможем?

- Сможем. Но не больше, чем на тридцать метров.

- Убирайте людей и инструмент. Осмотрите все сами.

- Есть, осмотреть самому...

- Старшину Дикого на мостик!

- Есть! Старшину команды мотористов к командиру!

- Прибыв, товарищ командир, - в темноте просматривались только белки глаз; старшина Дикий за время службы так и не смог избавиться от западноукраинского акцента.

- Что ж, Андрей? Твое ведь хозяйство, а?

- Мое, товарищ командир, - мрачно подтвердил Дикий. - Тильки у то время, як здавали тэ работы, я був у госпъгали. Головы б порубав утим гадамГегемонам! - и Дикий ожесточенно сплюнул за борт.

Неулыба знал: вечно замасленный труженик Андрюша Дикий врать не будет. Человек очень сложной судьбы, пострадавший вместе с "маткой", малолетними братьями и сестрами на Станиславщине в годы войны от полицаев и бандеровцев. Дикий люто ненавидел "кривду жизни" и подлых людей. Неулыба без объяснений чувствовал, как трудно переживал Дикий случившееся.

- Ну, иди, отдыхай.

В утренние сумерки лодка, как раненый зверь в берлогу, с великими предосторожностями уползла на безопасную глубину. Но удостоверившись, что лодка "глубину держит", вода в газопровод и отсеки не поступает, Неулыба все равно мрачнел: плотность батареи таяла, ее следовало жестко беречь - предстояла по крайней мере еще одна беззарядная ночь. А это исключало маневр подвсплытия под перископ: резко возрастала опасность попадания в сети.

К исходу дня лодка попалась-таки в сеть; боцман это почувствовал сразу. К счастью, акустик упорно твердил: "Шумов нет". Следовательно, сеть предполагалась неохраняемой. Японская сеть.

В сумерки лодка всплыла. На заливаемый набегающими волнами форштевень и отвалы носовых рулей вышла с аварийными топорами боцманская группа. Опутавшая нос и рули сеть под дружными взмахами топоров разрублена и, шурша вдоль корпуса, скользнула под корму. Лодка застопорила винты и по инерции

скользила по курсу. Вздых облегчения: запущенный на "самый малый" электромотор показал нормальную нагрузку на винт.

В ночь снова началась каторжная работа мотористов в надстройке. В лежащем положении, в мокряди набегающих волн. Подводная лодка на "стопе" утробно фырчала дырчатым легким корпусом. Маневрировать ходом было опасно, всюду мерещились сети. К утру работа в надстройке была приостановлена: фигурная тяга упорно не поддавалась правке.

С рассветом лодка вновь ушла на глубину. Теперь уже перископную. Неулыба боялся вновь попасть в сети; наблюдение в перископ давало сомнительную, но все-таки гарантию обнаружения поплавков сетей.

Торчать день под перископом при ясном небе и спокойном море было невыносимо. Черное тулово субмарины под тонким слоем воды мог видеть любой самолет.

"Хоть бы туман, что ли!" - заклинал Неулыба.

Но обычно столь ненавистного морякам и столь желанного сейчас тумана не было. Море и небо невинно-ясны, как улыбка спящего младенца.

К исходу дня наконец напозл спасительный туман. Субмарина всплыла, воспользовавшись подарочным выигрышем времени.

Неулыба и дублер Шепот третью ночь торчали на мостике, настороженно прислушиваясь к ударам и лязгам в надстройке, периодическим докладам акустиков и радиометристов.

"Шумов нет. Работающих РЛС не обнаружено" - эти доклады звучали слаще симфоний Чайковского.

В конце ночи Ильич вскарабкался на мостик и, как шахтер сверкая зубами и белками глаз, выдохнул:

- Все, товарищ командир. Можем погружаться!

- Надежно?

- Надежно. Все на месте.

- Внизу! Замполита на мостик!..

- Прибыл, товарищ командир, - появилась в красном полусвете люка голова Хорта - В голосе чувствовалось: вспомнили-таки!

- Алексеич. Объяви по трансляции: "Устранена крупная неисправность, связанная с разгерметизацией прочного корпуса. В работе особо отличились - командир БЧ-5, старшина команды мотористов. Однако обращаю внимание всего личного состава - неисправность двубойной газовой захлопки возникла из-за халатности тех же мотористов, один из которых плохо проконтролировал ремонт газопровода в Дальзаводе и прием его на закрытие от рабочих. В газопроводе оказалась бросовая гайка, на вибрации попавшая под комингс захлопки. Подобные вещи могут дорого обойтись подводной лодке и всему экипажу. Поход только начался, расследование проводить не буду. В первую очередь нам всем нужны доверие и силы. Командир".

<h2>x x</h2>

Требовались еще одна ночь - на форсированную зарядку батареи и день - на скрытный подход на глубине к охраняемому проливу. Брошенная кем-то из "гегемонов" гайка обошлась лодке в четверо суток болтания у пролива: "как г... в проруби" - по мрачному резюме подводных остряков.

Под вечер Неулыба оставил центральный пост и пошел по отсекам. Неуклюжие привставания, бормотня докладов и вопросительные полуулыбки. И уже осунувшиеся лица, обтянутые скулы. Неулыба не реагировал на мелкие упущения - в докладах, действиях, валких вставаниях. И в каждом отсеке повторял одно

и то же:

- Как командир, ставлю в известность - ночью нам предстоит самая трудная часть похода - форсирование сильно охраняемого пролива. Будем действовать на форсированных режимах. Сигналы и команды выполнять молниеносно и без ошибок. Предупреждаю - за трусость и разгильдяйство, как командир, не остановлюсь перед применением любых мер. По законам военного времени.

В отсеках настороженно провожали спину командира: такие словечки слышались впервые.

Но Неулыба сознательно шел на такую форму общения: время воспитательно-увещательных бесед закончилось.

В глубоких сумерках, обнаружив в перископ мигающий огонь маяка Каминосима, командир Неулыба аварийным продуванием выбросил лодку на поверхность. запущенные дизеля нагружались на самый полный ход.

В лица выбежавшим на мостик резко пахнула соленая свежесть ночи. Объявлена боевая тревога. С выключенными ходовыми огнями лодка ворвалась в пролив.

Справа - море огней южнокорейского порта Пусан; впереди по курсу - кажущаяся сплошной россыпь огней массового скопления рыболовных судов; слева - черные на фоне неба гористые зубцы островов Цусима. А где-то под подводной лодкой - глубоко вросшие в грунт ржавые остовы русских кораблей, погибших в Цусимском бою почти 60 лет назад.

На мостике - Неулыба, дублер Шепот, боцман Михалыч и сигнальщик - кошачьи-врогрозный Котя. Все прильнули к биноклям, отыскивая главное - огни и силуэты сторожевых кораблей. Вот он, первый "гад" - южнокорейский СКР, под берегом. Вот второй, японец; но этот - позади траверза, сторожит вход в пролив. Прозевал-таки, господин самурай!

Стоящие на мостике оцепенели: форштвень, кипящие борта и вспененный за кормой вал горели ослепительным в ночи огнем. Бурное свечение планктона забрасываемые на мостик брызги осыпали подводников тысячами гаснущих и вспыхивающих искр. Подводная лодка походила на светящуюся небесную комету. Казалось, корпус и кильватерный след видны невооруженным глазом с обоих берегов и без всякой радиолокации.

Оставалось одно - вперед!

- Мостик! Радиометристы. Работают две корабельные, три береговые РЛС. Сигналы сильные! Слева девяносто, береговая РЛС перешла на режим сопровождения, - доклад из центрального поста"

- Доклад принят, - с мостика.

Подводная лодка - в скоплении рыбаков. Обстановка быстро наращивалась. Неожиданно чья-то голова ткнулась в Неулыбин зад.

- Кто это? - оторопело обернулся Неулыба, сияясь рассмотреть тычащееся в задницу тулово.

- Прошу извинения. В отсеке, знаете ли, душновато...

- Повторяю, кто?! - взревел Неулыба. И вдруг понял: "академик"! О котором он забыл. Который сидел, как мышь, в лодке уже несколько суток. Холодненького кислорода ему захотелось!

- Вниз! - задохнулся от ярости Неулыба.

- Но я... может, что-нибудь не так?..

- Немедленно вниз! И чтоб я вас больше не видел! - рассвирепел Неулыба.

- В центральном! Выход наверх категорически запрещен! В чем дело?

- Извиняюсь, - мешковатая фигура сползла вниз. Жесткость Неулыбы не

была дурустью: подводная история богата множеством случаев, когда выскользнувшие тайком в ограждение рубки оставались там навечно при срочных погружениях лодок. Это хорошо, что теоретик опознан в темноте Неулыбиным задом! Но на бешенство у Неулыбы не доставало времени.

- Внизу! Старпому стоять под люком!

- Есть, под люком.

Лодка стремительно маневрировала среди сгрудившихся рыболовных судов. С мостика видели испуганные отмашки фонарей; рыбаки отчаянно сигналили непонятному, проносающемуся в белой кипени чудовищу: прочь, нечистая сила! Прочь!

Но Неулыбу пугали не эти отмашки: вряд ли разберутся, кто там промчался с немыслимым грохотом, и застучат морзянкой в эфир. В мозгу гвоздем торчал вопрос: у них ярусные снасти или сети? Снасти - это чепуха, они простираются вдоль течения, а сети - это плохо!

- Боцман, правее десять по компасу! - вполголоса командовал Неулыба.

- Есть, правее десять.

- Левее пятнадцать!

- Есть.

Неулыба стоял как на раскаленных углях: ход! Предательский ход! Любая собака легко выделит на экранах БИП (боевой информационный пост) быстроперемещающуюся отметку среди малоподвижных целей. И кипящий след! И давящий грохот дизелей! Но другого варианта не было. Неулыба следовал требованиям боевого распоряжения...

И вдруг: вот он! Собачьим шестым чувством Неулыба мгновенно усек: настоящая опасность! На густой цепи белых рыбацких впереди слева - характерные огни боевого корабля: белый топовый, бортовой зеленый. Сторожевой корабль. Становилось ясно - выскочил, гад, из-под берега, идет на перехват по наведению БИП.

Стремительно перемещающиеся вправо огни остановились. Появился красный. Лег на контр-курс!

Внезапно огни исчезли. Выключил ходовые, собака!

- Кажется, влипли. Сторожевик! - сквозь зубы цедил Неулыба, впяв глаза в бинокль.

- Ну, возможно, это и не сторожевик, - успокоительно возразил Шепот.

- Ему кажется... Вниз! Все вниз!..

Мостик опустел. Неулыба один. Руки и бинокль дрожали от сильной вибрации корпуса.

Неулыба выбросился на сигнальный мостик, откинул крышку герморепитера (прибор, дублирующий показания основного гирокомпаса, вынесенный за пределы прочного корпуса в водонепроницаемом кожухе), навел оптический пеленгатор. В мгновение он увидел: в подсветах машинных люков, открывающихся и закрывающихся дверей - разбегающиеся по тревоге черные фигуры и разворачивающиеся стволы орудий. Прямо в пеленгатор. Расстояние - кабельтов, полтора. СКР разворачивался на подводную лодку.

"Идет на таран!" - обожгло молнией. Неулыба прыгнул в люк и рванул на себя полутонную крышку:

- Стоп дизеля! Срочное погружение! - и спрыгнул в центральный пост. - Нырять на глубину тридцать метров! Лево на борт! Дифферент десять на нос!

- Есть!.. Есть!.. - сыпались доклады из красноватого полумрака. Лодка стремительно проваливалась в глубину.

- Отводи дифферент! - и внезапно, это услышали все в центральном, над головами пронесся звенящий гул и начал стремительно уходить за корму. СКР

пронесся над рубкой лодки в трех-пяти метрах.

Мысль работала с бешеной скоростью: от тарана спасли стремительный провал на глубину и поворот под корабль; маневр обеспечивал, в худшем случае, только скользкий удар и во всех остальных - уход лодки в кильватерный бурун СКР, где в возмущенной среде гидролокаторы-перехватчики не смогли нащупать цель.

- Глубина тридцать! Лодка катится влево! - глухие доклады рулевых, горизонтальщика и вертикальщика.

- Держать глубину! Право на борт! Ложиться на прежний курс двести двадцать! Осмотреться в отсеках. Акустик, обстановка?

- Шум винтов СКР справа сто сорок, быстро удаляется!

- Боцман, всплывай!

- Есть, всплывать! - боцман перевалил рули на всплытие. - Дифферент семь на корму. Работают оба - средний вперед!

- Приготовить оба дизеля на винт-продувание!

Неулыба ввинтился в шахту рубочного люка. - Поднять командирский перископ!

Вот он, быстроперемещающийся и удаляющийся силуэт с гакабортным (ходовой

огонь-сигнал (белый огонь), который судно зажигает на корме во время хода в темное время суток) огнем. Включил ходовые, сволочь.

Крутится среди рыбаков. Потерял цель!

Силуэт СКР растворялся в зареве береговых огней Пусана.

- Продуть среднюю! Отдраен верхний рубочный люк! Сигнальщику, на мостик!

В лица ударила свежесть ночи. Ослепительно сверкала вода в ограждении рубки и вокруг змеящегося и фырчащего корпуса.

Запущены дизеля. По напряжению корпуса Неулыба чувствовал: мотористы нагружают дизеля до предела. Выдержат ли? Но вмешиваться времени не было. Лодка быстро разворачивалась в черный прогал между огнями рыболовных судов.

...Неулыба "думал за противника": маневр сбил японца с толку.

Стремительно сближавшаяся на экранах радиолокаторов цель внезапно исчезла. Вместо этого - вздымающийся вверх и кипящий водоворот, над которым, как над извергающимся вулканом, пронесся корабль. Выдержать такое способен не всякий. Ясно: японец потерял обстановку и помчался обследовать ближайших рыбаков. Ищет черного кота в черной комнате.

Лодка на ходу вышла в крейсерское положение, набирая скорость на отрыв. СКР исчез.

На юго-востоке слабо светлело. Рыбаки редчали, пролив расширился. Впереди море.

Вот он, третий СКР! Однако тем же собачьим чувством Неулыба усекал: этот послабее. Судя по силуэту, староват. И дал команду - отвернуть в темную часть горизонта. Но СКР рванул на пересечку курса.

"Вот настырный азиат! - сплюнул Неулыба. - Радиолокатор-то у тебя, брат, ничего! А акустика наверняка хреноватая".

И скомандовал срочное погружение. Слушая доклады акустиков и наблюдая хаотические броски пеленгов, Неулыба утвердился в правильности своего вывода: для лодки под водой слабоват ты, друг любезный! И резко отвернул в сторону от шумов.

Лодка вышла в Восточно-Китайское море.

<h2>x x x</h2>

Годы спустя, анализируя походы большого числа подводных лодок, уже в штабном качестве Неулыба пришел к выводу: при форсировании пролива, шаблонно выполняя предписания боевого распоряжения штаба флота, он действовал не лучшим образом. Только уменьшив до предела такие демаскирующие особенности лодки, как шум электромоторов, бурунный эффект, можно было наиболее эффективно и скрытно форсировать тот противолодочный рубеж в проливе.

И конечно же, штабы обязаны определять сроки выполнения боевого приказа, согласуясь, к примеру, с режимом течений, а не на основании тупоголового волюнтаризма...

<h2>x x x</h2>

- Готовность два подводная! Всей подвахте отдыхать. Всем спать. Завтрак позже на два часа, - скомандовал Неулыба.

В лодке наступил режим тишины. Командир приткнулся на узком диванчике в центральном, положив голову на матку гироскопаса, накрыл глаза пилоткой.

- А здорово у нас получилось, товарищ командир! - подсел к нему обходивший отсеки замполит Хорт.

- Что здорово? - приподнял пилотку Неулыба.

- А со срочным погружением от японца. Мальчики работали тики-так! Я был в дизельном, машинально заводил свои часы. С момента, когда заквакал ревун, лодка ушла на тридцать метров, знаете, за сколько? - спросил Хорт. И, торжествуя, выпалил: - За двадцать восемь секунд!

- Ври больше, комиссар, - отмахнулся Неулыба. - Не мешай спать.

- Вот те крест! - шутливо перекрестился Хорт. - Ей-богу, не вру. Все-таки ребята молодцы!

- Разумеется, и мужики. Работали как надо... И все-таки техника, комиссар! Подумай, что было бы, если б упало давление гидравлики или не сработала какая-нибудь захлопка? Понял? И вообще. Пристал как смола... Дай вздремнуть.

Однако этот разговор Неулыба запомнил: технический норматив погружения лодки из крейсерского положения на перископную глубину, полученный на госиспытаниях и занесенный в "Тактический формуляр", составлял 45 секунд. А тут за 28 на глубину тридцать! Результатик! Даже на госиспытаниях заводчики-сдатчики таких бешеных режимов остерегались, за красную черту не лезли...

Лодка продолжала скользить в южном направлении. Работал, успокоительно попискивая, мотор экономхода. В лодке тишина.

В середине дня лодка подвсплыла под перископ на сеанс радиоприема. Командир осмотрел горизонт в перископ и присвистнул: впереди по курсу, справа и слева, насколько окуляр охватывал зеркальное спокойствие белесого моря, виднелись бамбуковые плоты и ряды буйков, выстроенные правильными рядами поперек курса подводной лодки. Сети? Ярусные крючковые снасти? Проволочные устричницы?

Самое опасное - сети. Капроновые сети, намотанные на ступицу винта, способны сплавиться в такую втулку, которая может наглухо заклинить линию вала.

"Остается одно, всплыть и произвести опрос местных жителей", - съязвил про себя Неулыба и жестом подозвал к перископу Шепота. Тот глянул и крикнул:

- Н-да! Картинка!

Лодка повернула между рядов, выискивая разрывы-проходы. А ряды тянулись, казалось, до горизонта. Утешало одно - видимое безлюдье.

Через час-полтора лодка все же нашла разрыв ряда, вошла в него и... повернула на обратный галс (линия пути корабля от поворота до поворота). Как в лабиринте Минотавра.

До вечерних сумерек субмарина, как примерная школьница на экскурсии, дисциплинированно гуляла по коридорам бесконечных рядов бамбуковых плотов, выискивая выход на маршрут.

- Положеньице почище губернаторского, - резюмировал Неулыба, воздавая непечатное штабникам-творцам боевого распоряжения на поход, с легкостью проложившим маршрут по карте-бланковке. Как во времена Колумба.

Вспомнилась антианалогия английского разведчика Питера Черчилля, инструктируемого суховатыми джентльменами из МИ-8 перед выброской в 1943 году во Францию. Инструктаж звучал примерно так: "Сэр! Вы приземлитесь в 50 метрах от живой изгороди фермы Сен-Пьер. Парашют не закапывайте. К северу от вас увидите корявый дуб. Имейте в виду - за дубом будет сидеть Лысый Жан. Тихонько крикните два раза по-утиному, вот так. Жан квакнет по-лягушачьи, вот так. Следуйте за ним молча. Воздержитесь писать в траву: ваша моча зарегистрирована в ведомствах господ Кальтенбруннера и Канариса. Пройдя живую изгородь, имейте в виду - за изгородью канава с тухлой водой, в канаве сидит Жак; запрос - "Жюстен", пароль - "Женевьева". Отдадите ему парашют, получите аусвайс и билет на поезд Руан - Париж..." И так далее.

Но то - английская разведка. А это - наша, родная.

К ночи лодка всплыла и на инерции хода проперла через ряды буйков на авось, с заметным шорохом где-то там, в районе кия. Утешительными были две мысли: первая - нагрузка на линии валов свидетельствовала - обошлось без намотки на винты; вторая - так вам, гадам, и надо. Не ставьте сети поперек маршрута подводной лодки. Убыток империалистам. Мелочь, а все-таки приятно!

В ночь, обойдя на почтительной дистанции мигающий огонь маяка Оки, лодка ушла в пустынную часть моря и к утру погрузилась под перископ на траверзе безлюдного острова Токара.

Через час на фоне ослепительного великолепия моря, освещенного солнцем, Неулыба вдруг обнаружил - мощное течение несет субмарину прямехонько на остров. Изменив курс и приведя вертикальные зубцы скал на пеленг сзади траверза, Неулыба приказал дать ход обоими моторами на малый и наконец на средний ход. Пеленг на скалы начал медленно сползать за корму. Но... расточительный разряд батареи!

Периодически поднимая перископ и считывая пеленги на неумолимо приближающийся остров, Неулыба поневоле заглядывался на ленточных змей с конскими хвостами и прочую диковинную тропическую невидаль, мелькающую в зеленоватой толще воды. Одно прикосновение к ним грозило мгновенной смертью. Бр-р!

На исходе дня Неулыба вытер со лба пот: течение, слава Богу, понесло лодку мимо скал в глубины океана. В сумерках всплыли и под дизелями рванулись в спасительную темень востока. А на бледнеющем западе еще долго-долго вырисовывались острые зубцы гористого острова, окруженного невидимыми в ленивом спокойствии лимонного моря подводными скалами.

Уже трое суток лодка "ползла" по маршруту в заданный район, днем - на гарантированных от наблюдения с воздуха глубинах, ночью - в надводном положении. Ночь подводники ждали. И еще как ждали!

Мощное течение Куро-Сию несло лодку мимо Японии. На всем диапазоне доступных лодке глубин термописец "Березка" показывал одно и то же: температура забортной воды плюс 30-32 градуса. В отсеках же прочного корпуса была парная баня. В самых "прохладных" отсеках - торпедных и центральном - температура доходила до 50 градусов и более, о батарейных и электромоторном отсеках думать не хотелось. С оклеенного пробкой прочного корпуса сочился и противно капал теплый, приванивающий жухлой краской жирноватый конденсат (На вышедших в тот же район пять лет спустя

двух дизельных ПЛ проекта 641 было 8 тепловых ударов среди личного состава и одна "тепловая" смерть (экипажи Писарского, Комарова)).

Истекающие потом грязные тела подводников быстро покрылись мокрянкой и нарывчиками. Народ осунулся, с отвращением глядя на традиционные борщи и макароны "по-флотски" и признавая только черные каменные сухари и колбасу "собачья радость".

Холодильников и кондиционеров на лодке не было. Единственная мясная рефкамера подозрительно пованивала. Открывать ее становилось опасно.

Впервые в истории подводного флота спирт-ректификат, ценность высшего порядка, вызывающе безнадзорно торчал в полуоткрытой командирской каюте.

Раз в сутки изнуренные жарой мореплаватели по команде стекались в центральный пост, где вооруженный бутылкой и ватой корабельный врач смачивал спиртом тампоны и самолично обтирал матросские спины и животы, заодно прижигая чирьи и нарывчики.

Подводные колумбы выискивали уголки, где хоть на пару градусов температура мнилась ниже отсечной. Кряжистый боцман Михалыч, отстояв положенное на рулях, молча сползал в трюм и ложился меж трубопроводов прямо в грязный конденсат.

В лодке прекратились перемещения, разговоры и мелкие стычки; только с монотонной периодичностью слышались доклады: "В отсеках осмотрено, замечаний нет", "Шума нет".

Не скисли двое - командир Неулыба и трюмный центрального поста Юла. Для маленького верткого Юлы наступила пора раздолья: провизионка, пожалуйста, открыта, всякие деликатесы - к твоим услугам. Начальство - словно вареные судаки. В центральном Юла чувствовал себя как рыба в воде. Парилка на Юлу не действовала. А потому Юла стал в центральном почти бессменным.

Неулыба же свариться просто не имел права. И времени. Его тревожило мощнейшее глубинное течение; стоило повернуть лодку на курс в район, как боцман начинал истошно кричать: "Лодка не управляется!" Вопль означал: попутное течение больше скорости лодки и попросту норовит ее опрокинуть. Оставалось одно - идти ломаными галсами, не подставляя корму течению. Или неэкономно разряжать батарею главными моторами, что Неулыба мог допустить только на короткое время.

Давление в отсеках медленно, но неумолимо росло; при всевозможных переключениях "подтравливали" системы воздуха высокого и среднего давления. В центральном с терпеливым вниманием следили за отсечными манометрами: повышение давления до трех атмосфер грозило углекислотным удушьем, ибо включенные регенерационные установки не справлялись с очисткой воздуха, источали жар и грозили воспламениться. Головы мореплавателей наливались чугуном, в ушах стучали молотки, во рту появлялся свинцовый привкус.

Подводнички ждали заветного часа - подвсплытия на сеанс радиоприема с берега. Убедившись в перископ в отсутствии на горизонте и в воздухе "двуногих", командир командовал:

- Поднять шахту РДП! Открыть воздушную захлопку!
- Внимание по отсекам! - возбужденно кричал в динамик трансляции механик Ильич. - Открыть клинкеты вдувной и вытяжной вентиляции! Сравнять давление в отсеках!

Спертый, влажно-горячий воздух с шумом уходил из отсеков. Над выдвигаемыми устройствами лодки - это явственно виделось в перископ - выросло облако. В отсеках становилось знобко-холодно.

В отсеках оживали. Начиналась суетня, поиски чего бы пожевать. Предусмотрительный старпом к этому моменту приказывал: выдать закуску.

Все знали - это временно, вскоре снова наступит парилка.

Но уже ненадолго. Ибо близка желанная ночь - с невероятно крупными звездами, с прососом отсеков дизелями, когда горячая влажность будет вытянута изо всех закоулков. Если обстановка наверху допускает, можно по очереди выскочить наверх и хватануть сигарету, от которой пьянеешь больше, чем от водки.

Словом, для подводной публики распорядок жизни переворачивался.

<h2>x x x</h2>

На четвертые сутки Неулыба - а это он делал независимо от штурмана - раскодировал принятый радистами японский метеопрогноз и нанес на бланковку. И озабоченно нахмурился: проползавшее далеко восточнее Марианских островов пятно пониженного давления быстро углублялось и явно перерастало в тайфун, раскручивающий вихревую спираль и резко увеличивающий поступательное движение.

Так и есть, американцы уже дали тайфуну имя "Джилда". А это означало - тропическая депрессия перерастает в грозный ураган.

И "Джилда" прямехонько шла на ползущую в толще вод субмарину.

- Механика, старпома и Шепота ко мне! - приказал в центральный пост Неулыба, а прибывшим сказал:

- Ну, вот что, герои. Приближается тайфун. Притом глубокий. В нашем распоряжении около суток. Сегодня всплываем пораньше, ибо все супостаты убегут из полосы движения тайфуна. Так вот, всем сестрам - по серьгам. Командир БЧ-5, со всплытием - глубокую зарядку батареи. Тщательно провентилировать. Старпом, вам лично обойти и проверить отсеки, предупредить народ: уйдем на глубину не менее чем на трое суток. Выбросить весь мусор. Строгая экономия электроэнергии...

И оглядел склонившихся к бланку метеокарты:

- Все признаки говорят, что в районе нахождения лодки "Джилда" повернет на северо-восток. А в точке поворота замедлит движение и еще углубится. Так что особой радости она нам не принесет...

<h2>x x x</h2>

К вечеру небо расцветилось удивительно красивыми красками. Неулыба не ошибся: по видимым признакам тайфун шел прямо на район нахождения лодки. В эфире радиоголоса слабели: все плавающее и летающее почтительно расступалось перед грозным явлением, уходя прочь из полосы движения "Джилды"...

За ночь батарея заряжена, лодка провентилирована. Но Неулыба выжидал до

предела. И дал команду на погружение только тогда, когда поверхность океана закипела, а корпус уныло застонал от цепких объятий бушующей стихии.

Лодка ушла на глубину 120 метров, тщательно удифферентовалась, перешла на мотор экономхода. Выключено все, кроме аварийного освещения, гирокомпаса и приборов акустики. Подвахте велено спать. Спать.

А наверху - это чувствовалось - разверзся ад. Лодку мотало, как огромный маятник. Указатели кренометров угрожающе раскачивались.

В лодке укачались все, даже механик и боцман. Мореплаватели поминутно бегали к кандейкам и изрыгали зеленоватую слизь. Ходовые вахты у приборов неслись полулежа.

Не укачались, как всегда, двое - неугомонный Юла и Неулыба. Последний - от страха за подводную лодку. А первый, по-обезьяньи удерживаясь на вращающемся стульчике у командного пульта, искоса поглядывал на командира и в резонанс качке вполтона напевал идиотскую песню:

*<i>Говорила мама мне,
что любовь с обманами,
Да напрасно тратила слова.
Я ее не слушала,
вот тебе и скушала!*

Мама, мама, как же ты была права!..

- А ну-ка перестань! - приоткрыл глаз Неулыба, полулежа на диванчике у гирокомпаса.

- Есть, товарищ командир! В отсеках осмотрено, замечаний нет! - звонко реагировал озорной Юла, а через несколько минут забывался и снова подвывал:

<i>Ах, с Ванечкой на саночках...</i>

Пресекать сольные номера Юлы было больше некому. Да и незачем - управлению лодкой они не мешали.

<h2>x x x</h2>

Неулыба чувствовал: команду надо расшевелить, "поднять". И дал команду - выдать на отсечные бачки, в старшинскую и офицерскую кают-компанию все лучшее, что есть в провизионке. Есть от пуза. Транслировать по отсекам музыкальные записи, любые, от душещипательных до фривольных. На заказ из отсеков.

Кроме вахты, "господа-офицеры" собраны в кают-компанию. С полотенцами, в "разовых" трусах и майках. Неулыба оглядел присутствующих: обтянутые скулы, бледно-зеленые лица.

- Ну-с, дорогие товарищи. Качка качкой, жара жарой, а жить надо. Предлагаю товарищеский ужин, без всяких условностей и церемоний. Хозяинуем сами. Как вы понимаете, наш вестовой укачамшись. Поэтому открывайте все сами, кто и что захочет. Для ясности: крепкого не будет. Можете рассказывать байки. Любые. Вплоть до похабных.

Офицеры подсаживались, жались друг к другу, поглядывали на командира: не сбрендил ли?

- Чего молчите? Тогда, с вашего разрешения, начну морскую травлю я. Если неинтересно, кто-нибудь покашляйте. Уговор?

- Уговор, - помалу зашевелились будущие флотоводцы.

- Ну, значит, я первый, - приподнял мускат на полстакана Неулыба. - За наше благополучное плавание. За наш поход. А расскажу я вам курсантскую байку, из истории нашего училища. Наш курс был маленький, за вольность духа прозван "бандой Олейника", а перед нами был втрое больший, прозванный

"китайским". И была в одной из рот этого "китайского" курса знаменитость - комроты капитан Бондаренко. Из тех кадровых служаек, кто оплавился в окопах Сталинграда и до того стал упертый, что и противотанковой гранатой не своротишь. И, дотянув до ротного, гнул по-своему, когда и война давно закончилась. И стал ходячей легендой за свои служебные чудачества.

Стоит Бондаренко дежурным по училищу. А втыкали его за службистскую безотказность в дежурство на все "круглые даты". Стоит под праздник и к ночи докладывает на квартиру начальнику училища: "Товарыщ капытан первого рангу. Докпадаю - усэ в порядки. Тильки тры пьяных буки избили двух веди".

- Что? Что? Не пойму, повторите.

"Докладаю - тры пьяных буки избили двух веди". Это он военную тайну соблюдал. Означало - три курсанта второго, то есть нашего, курса избили двоих курсантов третьего курса.

Рота капитана Бондаренко размещалась этажом ниже. И мы после проверки перед отходом ко сну всегда потешались, глядя на цирк у соседей. Крепко уважал капитан Бондаренко вечерние проверки. Длились в его роте они по полтора-два часа. За что курсачи люто ненавидели ротного.

Такая картинка: стоит рота, перед строем ходит Бондаренко. Смотрит в пол. Сосредоточенно смотрит. А из задних рядов строя - "дурак", "идиот"...

Бондаренко голоса на цвет не различал, но слух имел.

- От тут казали "идиот". Хто казав? Два шага уперэд! Ага, нету! Немае таких!.. А бачитэ, шо за оскорблениу начальника? Пры сполнении! Ага, нэ знаетэ! - строго оглядывал он шеренгу. - Положено десыят суток арэсту! Строгого режиму! Старшина, принэсть Дисциплинарный устав!

Старшина роты, из старых флотских мореманов, которому все это до чертиков надоело, уходил в канцелярию и, выкурив там беломорину, возвращался и докладывал:

- Разрешите доложить? Не нашел. Нет устава.

- Як нет устава? - от удивления Бондаренковы брови ползли вверх. - Должен быть!

- Разрешите доложить? Наверно, кто-то украл. Вернее, спер...

- Як спэр? Тэ ж казенно имущество! - удивление комроты переходило в негодование. - За тэ ж под трыбунал! Хто взяв?

Строй не сознавался. Из строя по-прежнему несло: "идиот", "пяхота"...

Бондаренко продолжал шагать перед строем:

- Ходют слухи, шо капитан Бондаренко - идиот... И, подняв вверх палец:

- Уточняю! Капитан Бондаренко - не идиот! И продолжал невозмутимо вышагивать перед строем. И вдруг становился во фрунт, прикладывал руку к головному убору и прикрикивал, набрав в грудь воздуха:

- Для сплочения коллективу, ура! Из строя неслась разноголосица: "Ур-раДур-рак!.." Кают-компания сдержанно посмеялась. Настроение, однако, размягчалось. И глубинное раскачивание, и липкая духота не казались уже такими изматывающими.

- Ну, старпом, твоя очередь.

- Вы уж лучше еще что-нибудь. Вместо меня, - заскромничал Халваныч.

- Ну, что еще? Старпом отдал мне свою очередь. Ладно, расскажу про подгот. Для сведения, в 1944 году поступил я воспитанником в Горьковское военно-морское подготовительное училище. Были мы в основном из беспризорников, подобранных на дорогах войны. Был такой приказ Сталина: мальчишек-детей фронтовиков направлять в такие училища. В таком оказался в неполные 15 лет и я, хотя о море не имел ни малейшего представления. Но не об этом байка. Был у нас командиром курса некто капитан 2 ранга Кузькин. До

войны командовал эсминцем на Черноморском флоте и в 1939 году умудрился посадить корабль на камни. Не верьте, что все тогда попадали на Воркуту или Колыму. Тогда придумывали египетские казни пострашнее. И приговорили Кузькину - платить ему стоимость аварии сполна. Тысяч, наверное, двести. А чтоб мог платить, служить Кузькину в доблестном флоте и дальше! Ну, ясно, что платил бы он лет двести и его потомство до восьмого колена. С тем и застала его война. Задвинули Кузькина в тыловые эшелоны да и забыли о нем. И вот на почве бесконечных удержаний Кузькин слегка того, чокнулся. Но службу тянул. Особой страстью кажда Кузькина было сбережение социалистического имущества. Любил командир курса копаться в свалках на хоздворе. И когда на уроках мы видели в окна, что комкурс с крюком проследовал к мусорной куче, уже знали - будет построение по тревоге. Найдя в мусоре рваный ботинок, Кузькин немедленно строил курс, носил находку перед строем и гневно обличал курсантов в преступном отношении к социуму.

А мы в то время только что приняли присягу и получили право на увольнение в город. Ходит Кузькин перед строем увольняемых. Придраться не к чему. Все по уставу. И начинает инструктаж, как вести себя в увольнении:

- Вот вы, товарищ курсант, идете по городу. А навстречу вам проститутка. Ваши действия? - тычет он в ближайшего курсантика.

Получив такую вводную, пятнадцатилетний вояка хлопает лопухами, разевает рот и тарашит глаза. И хватает воздух.

- Повторяю вопрос, - строго вопрошает Кузькин. - Навстречу вам идет проститутка. И виляет бедрами. И охмуряет! И охмуряет! Ваши действия?

Лопух молчит.

- А ваши действия, товарищ курсант, должны быть: стать во фронт, приложить руку к головному убору и произнести: "Никак нет, товарищ проститутка! Я - честный курсант! И не позволю! Не позволю! И кругом! Шагом марш! И доложить по команде!.."

Ну, ясно, после такого инструктажа мы рьяно рассматривали всех встречных женщин: эта? А может, вот эта? И страшно хотелось, чтобы нас поохмуряли...

Мало-помалу офицеры ожили, пошли байки. По разбуженному азартному нетерпежу - "Дай я! Дай я расскажу!"

Когда же явно обозначился "выдох" морской травли, Неулыба закрутил:

- Ну, господа-офицеры, продувка макарон кончилась. Шепот, ты на северной бригаде плавал? Знаю, плавал старпомом. Покажи парням, как там играют в особый вид морского козла - в "шпоньку". Этой игрой мы отмечали важные события в походах: шпонька штормовая, шпонька курильская. Умственное развитие гарантирую. Кто свободен от вахты, рекомендую. Замполит, прояви инициативу. А мне - в центральный...

Время текло, невзирая на невыносимую духоту и качку.

К исходу третьих суток качка стала замедленно-пологой. Тайфун наверху явно уходил.

Лодка всплыла. Огромная зыбь носила ее так, что горизонт и небо казались то вогнутой, то выпуклой чашей. Но ветра не было. Лодка, пофыркивая выхлопом, рванула в назначенный район.

Требовалось выбрать отставание по графику перехода.

Субмарина в заданном районе уже шестые сутки. Неинтересные монотонные сутки, днем - выматывающая парная баня на глубинах, где пугали непонятные сильные водовороты, глубокой ночью - подзарядки батарей и томительно

ожидаемая (относительная, но все в сравнении) благодать прохлады. Ночью экипаж жил полногрудо: дышал, жевал, вождельно поглядывал на доски с отсечными номерками, дающими право по очереди выскочить на мостик и жадно подымить, зажав сигарету в кулак.

А район был пуст. Ни рыбаков, ни судов, ни кораблей. Ни даже самолетов. Поход обещал быть "пустышкой". Неулыба уже прикидывал "оценку" вождей-флотоводцев. И от такой перспективы крепко заскучал. Привычно приткнувшись под козырьком мостика, настороженно оглядывал темень, вахтенного офицера и сигнальщика: не дремлют ли? И тихонечко насвистывал самому себе песенку военных лет про Мишку-одессита:

<i>Ни девок, ни лиманов,
Каштанов нет в помине,
Качается "Гагара" в погрузке под углем.
На ней живут ребята,
Матросы удалые;
Средь них считался Мишка
Заправским моряком.
Вот Мишка клеши надевает,
На Чуркин надобно "слинять",
Вдруг "батя" Мишку вызывает
И начинает Мишку соблазнять:
"Не унывай, Мишка,
Нам пала "шара" -
Идем в Америку фрегаты получать.
Вот то корабль, Мишка!
А не "Гагара"

И раньше времени не стоит унывать".</i>

("Ара", "Гагара" и "Баклан" - группа малых судов-угольщиков, оснащенных устаревшим вооружением и громко именуемых дивизионом сторожевых кораблей ТОФ в период 1938-1945 гг.)

К исходу седьмой ночи на мостик поднялся Синица, командир группы слухачей-ОСНАЗ, и доложил:

- Раскодировка, товарищ командир. Авианосная группа "Тикондерога" прибыла в район "Чарли".

- А где этот район?

- В северо-западном углу нашей позиции.

- Отлично! Пойдем на сближение. Даром хлеб есть негоже.

Если б Неулыба мог предвидеть, во что ему обойдется это бодряческое легковесное "отлично"! Подводная лодка стала под РДП и "рванула" в район "Чарли".

Пришел золотистый рассвет. Выкатилось слепящее перископ солнце. Неулыба дал команду: "Завтракать"...

- Центральный! Работа низкочастотного гидролокатора, слева тридцать.

Сигнал слабый, - неожиданно включилась акустическая рубка. И добавила: - Сигнал пошел на усиление!

- Стоп дизель! Срочное погружение! - встрепенулся командир. - Держать глубину восемь метров. Радиометристы! Доложить обстановку!

- Работающих РЛС не обнаруживаем! И снова акустик:

- Сектор слева десять - слева шестьдесят работают три гидролокатора.

Сигналы усиливаются! Интервал посылок - минута, периодически переходят на интервал 15 секунд. Шумы не прослушиваются.

- Боевая тревога! Погружаться на глубину тридцать метров. Записать в

вахтенный журнал - начали сближение с силами АУГ (авианосно-ударная группировка) для разведки. Штурман! Начать ведение боевой прокладки!.. Приготовить аппарат для стрельбы углекислотными патронами (это для создания газовых облаков).

- Сигналы гидролокаторов быстро усиливаются! Цель номер четыре, гидролокатор справа шестьдесят!

"У-у-ввоу! У-у-ввоу!" - мощные низкочастотные послышки теперь прослушивались на корпус.

Хитроумный замысел Неулыбы - проскользнуть вдоль сил охранения к предполагаемому месту авианосца - оказался смехотворным: через полчаса лодка была плотно заблокирована кораблями со всех сторон горизонта.

Маневрируя резкими изменениями курса, бросками скоростей от малого до самого полного, лодка ушла на глубину 150 метров. Оставался мизерный "запас" глубины - двадцать метров.

Увы! Изотермия (температурное постоянство заборной воды) по всему диапазону глубин не затрудняла работу гидролокаторов. Удары мощных посылок били по корпусу, как кувалды. "Газовые облака", создаваемые выстреливаемыми лодкой углекислотными патронами, похоже, мало смущали янки.

Лодка металась, стремясь резкими бросками уйти от ближайших кораблей, чьи теперь ясно различимые шумы проскакивали в неприятной близости. Океан бесновался...

Неулыба и Шепот не знали (это осознано много позднее), что доступная им тактика "уклонения - отрыва - прорыва", взращенная на послевоенных наставлениях и черепаших скоростях, безнадежно устарела и бессильна перед новейшей техникой "проклятых империалистов".

Скрючившись в центральном посту с планшетом на коленях, автоматически улавливая гомон докладов и команд, Неулыба набрасывал быстроменяющиеся пеленги на пронсящие наверху корабли и лихорадочно соображал, как найти лазейку из бешеного хоровода ударов гидролокаторов и шумов.

"Влипши. И крепко. Че дэ? Че дэ? - пытался сообразить он, повернувшись спиной к перепуганным боевым помощникам. - Ясно, будут гонять до полного разряда батареи. До вынужденного всплытия. Но где же выход?" Как вырваться из этой дикой свистопляски шумов, он не знал.

Прошло время завтрака, обеда, подходило время ужина. А лодка металась, как зверь в клетке. Неулыба обтирал мокрой тряпкой лицо, не обращая внимания на текущие по хребтине и животу струйки, и мучительно соображал: "Кажется, на глубине восемьдесят метров была слабая температурная полоса..."

- Всплывать на восемьдесят!

Неулыба втихую пододвинул толстенный МСС (международный свод сигналов) и, словно от нечего делать, перелистывал: подыскивал подходящий сигнал по всплытию вроде: "Совершаю учебное плавание, вашими действиями вы затрудняете мне маневр". Оставалось одно: тянуть до полного расхода плотности батареи и приготовить гордый флаг ВМФ. Размером побольше.

Неулыба прекратил бессмысленные броски и вытянул "змейку" на уход из района.

И вдруг... за кормой обвалный грохот. Еще обвал... Над лодкой звенящий гул винтов. И когда Неулыба подумал: "Все! Лапы вверх!", шумы неожиданно начали таять, а удары локаторов ослабевать.

И наконец исчезли. Океан замолчал.

Неулыба смахнул очередной наток пота и взглянул на отсечные часы: однако! Бешеная свистопляска длилась семь с половиной часов.

- Штурман! Когда заход солнца?

- Через двадцать семь минут, товарищ командир, - высунулся из штурманского пенала Лукьянчик.
- Командир БЧ-5, плотность батареи?
- Часа на два, на три, товарищ командир. "Ясно, заряда батареи в обрез - до наступления полной темноты. Но как всплывать, чтоб не попасть под таранный удар кого-нибудь, подстерегающего там, на поверхности?"
А вслух Неулыба скомандовал:
- Готовность два. Команде ужинать, - и добавил: - А заодно и пообедать. И позавтракать.

<h2>x x x</h2>

В глубокой ночи лодка всплыла. Вот он, черный бархат неба, огромные жемчужины звезд. Прекрасен все-таки мир! Когда вокруг нет двуногих. В голове стучали сотни молоточков. Ночной воздух валил с ног пьяным кислородом.

- Товарищ командир, - в герморепитере переговорного устройства голос механика Ильича. - Разрешите наверх.

- Но мы еще не продули балласт, - рывкнул Неулыба, цепко охватывая угадываемый горизонт. По подводным канонам до всплытия лодки в крейсерское положение командир должен быть наверху один. На всякий "случай" под люком торчал резерв - старший помощник. - Как дизель?

- Товарищ командир, - настаивал в динамик механик, - лодка ведет себя подозрительно. Необходимо осмотреть корпус.

- Механика наверх! - скомандовал Неулыба. - В чем дело, Ильич?

- Товарищ командир, надо осмотреть корму. Что-то там не так...

- А как ты ее осмотришь? Черно, как у негра в...

- Я с фонариком, быстро. - И механик, как мартышка, скользнул в корму.

А оттуда заорал: - Товарищ командир! А кормы-то нет!

- Как это кормы нет? Ты что, в своем уме? - оторопел Неулыба. - А где же ты стоишь? А ну, давай ко мне!

Механик вскарабкался на мостик и выдохнул:

- Разорвана обшивка легкого корпуса в районе топливно-балластных цистерн. Листы как капуста... Неулыба присвистнул:

- И что же? Топливо?

- Ушло наверх.

- Сколько?

- Спустишь вниз, подсчитаю.

- Но лодка-то под водой управлялась! - недоумевал командир.

Не доклад, а какой-то дурной сон.

- Управлялась, - подтвердил механик. - На больших ходах. А на малых...

Надо разобраться, товарищ командир.

- Все, механик. Готовь дизеля! Уходим из района. Пусть здесь черти жируют. Готовь форсированную зарядку батареи.

- Есть, - и механик скользнул вниз.

А через полчаса доложил сгорбившимся на мостике Неулыбе и Шепоту:

- Разобрались. Докладываю: разорваны обшивки топливно-балластных цистерн номер пять и шесть. Наверх ушло двадцать четыре тонны соляра. Помните грохот?

- Но ведь сотрясения корпуса не было?

- Вроде бы не было... - неуверенно протянул Ильич. - В общем, неясно.

Но лодка управляется!

- Остаток топлива?

- Если до базы, то хватит.

<h2>х х х</h2>

Лодка уходила из проклятого района в темноту. Стоящие на мостике цепко охватывали горизонт. И молчали.

Пытаясь проанализировать происшедшее, Неулыба никак не мог понять: если янки бомбили, то почему не содрогался корпус? Не сыпались, как пишут в героических романах, светильники? И почему все же разорван легкий корпус? На все это ответа он не находил.

И лишь много лет спустя, вновь и вновь возвращаясь мысленно к этой истории, пришел к выводу: да, бомбометание было. За кормой. И видимо, гидравлический удар прошелся вдоль корпуса, вызвал резонанс откуда-то появившегося в топливно-балластных цистернах воздушного пузыря. А уж он-то и рванул обшивку.

Он не знал и не мог знать, что именно в это время береговая радиоразведка флота перехватила и раскодировала донесение ракетного эсминца "Тауэрс" флагману: "В районе учений преследовалась и предположительно уничтожена неизвестная подводная лодка".

Но это Неулыба узнал много позже, когда его однокашники, между прочим, в ресторане "Золотой Рог" втихую от жен устроили поминальник по "Неулыба со товарищи".

Но как бы то ни было, ему стало ясно: не он мастерски оторвался, а преследующие корабли ушли восвояси, обнаружив на поверхности океана соляровое пятно.

Подводная лодка, ворча дизелями, уходила в непроглядную темь. Теплый океан был зеркален и отражал блики звезд. В бархатной ночи с трудом просматривались форштевень лодки и расходящиеся усы волн.

На исходе ночи на мостик поднялся сумрачно-немногословный Синица, командир группы радиоперехватчиков, и в перерыве между двумя затяжками доложил:

- Два донесения. Базовый патрульный самолет США "Нептун" донес на авиабазу Ивакуни: "В квадрате N атаковал и потопил шхуну, вторгшуюся в объявленный запретным район учений флота".

- Не понял. Это же японец, судно их союзника! Ошибки нет?

- Ошибки в радиоперехвате нет, мои дело знают. А за действия американцев я не в ответе. Чувствуют себя хозяевами. И соответственно наглеют. Второе донесение: противолодочный авианосец "Кирсардж" и корабли охранения проводят учение со своей атомной лодкой в районе "Дельта". Между прочим, на нашем маршруте.

- Что предлагаете?

- Мое дело доложить. Разрешите продолжать курить?

- Курите, - досадливо отмахнулся Неулыба. Как всегда, внезапно вылетела из-за горизонта звезда - планета Венера и, мигая разноцветными огнями - голубовато-белым, изумрудным, кроваво-красным, - стремительно понеслась на подводную лодку, удивительно напоминая приближающийся патрульный самолет. Многие сотни раз подводные лодки всех флотов удирали срочным погружением от этой коварной, всегда неожиданно выскакивающей из-за горизонта бесстыдницы.

<h2>х х х</h2>

Там, наверху, прошел еще один безоблачный штилевой день. Проходили суда, резвились легкомысленные дельфины, и деловито шныряли стаи акул. На глубине же он был томительно долог, стрелки часов упорно не хотели передвигаться. На глубине правила бал одуряющая парилка.

С трудом дотянув до расчетной темноты, лодка подвсплыла под перископ. Подходило время всплытия в надводное положение. Обтирая ветошью исходившие липкой мокротой тела, в центральном посту выжидательно поглядывали на командира: всплывать-то думаешь или нет?

А Неулыба дать вожделенную команду на всплытие не мог. В который раз намеревался произнести ожидаемую команду, но кто-то невидимый всякий раз предупреждал: не спеши! - и надавливал на плечо.

Команда изнемогала от жары и нестерпимой духоты. И Неулыба принял хитрое решение: стать под РДП, протянуть дизелем отсеки и тянуть время. Что-то - а что, он понять не мог - в этом идиллическом спокойствии океана ему не нравилось. И потому настораживало.

Минула полночь. "Погожу еще полчасика!" - уговаривал себя Неулыба. "Но заряжать-то батарею надо!" - доказывал кто-то другой. Минули час, два, три часа ночи. А Неулыба все тянул.

"Еще полчасика. Если ничего не..." - решил он про себя. И пошел в дизельный отсек. Посмолить цигарку.

- Пятый! Доложить командиру, радиометристы. Справа тридцать работа корабельной РЛС. Сигнал средний. Режим круговой, - оборвал Неулыбины колебания внезапный доклад из центрального поста. Неулыба бросился на командный пункт:

- Стоп дизель! Срочное погружение из-под РДП! Вахтенный офицер, что наблюдаете?

- Целей нет, - оторвался от перископа и, подслеповато моргая, доложил старпом Халваныч.

- Ну-ка, уступи место, - Неулыба нетерпеливо крутанул перископ по горизонту. Черная космическая темнота.

- В центральном! Затемнить все! Выключить освещение! Накиньте мне что-нибудь на голову. - И снова крутанул перископ.

Огонь! Справа сорок - топовый огонь корабля.

- Радиометристы?

- Работа корабельной РЛС в прежнем режиме.

- Акустики?

- Слабый шум винтов справа сорок пять. Предполагаю, эсминец. Цель номер два, фрегат, слева шестьдесят. Появилась цель номер три, тоже эсминец. Работа гидролокаторов не прослушивается, - глуховато докладывала рубка акустиков. - Центральный! Цель номер четыре, справа шестьдесят шум винтов большого корабля, тон низкий. Пеленга смещаются на корму.

- Убрать выдвижные, - скомандовал Неулыба.

По горизонту в перископ - ходовые огни кораблей: эсминец, сторожевой корабль, эсминец, кажется, крейсер... Ясно, лодка вползла в ордер соединения кораблей... Стоп! Огромная черная туша влезла в сектор обзора перископа. Авианосец!

Авианосец включил цепь палубных огней. Ясненько, начинает прием-посадку самолетов. Вон они, миленькие, заходят один за другим. Идиллия, как в киношке. Но почему янки так безмятежны?

Стоит хоть одному из кораблей включить гидролокатор - и лодка будет высвечена, как муха на стекле.

А радиолокаторы выдвижные устройства лодки "не берут": лодка - под

лепестками РЛС, в ближней зоне.

Неулыба понял: соблазн уйти на глубину глуповат. Лодка лишалась глаз.

Огни кораблей словно нехотя сползали за корму. Глубокая ночь. Господа океана изволят отдыхать!

- Старпом. Ввести на торпедный автомат стрельбы - авианосец, текущий пеленг от акустика, дистанция сорок, курсовой семьдесят правого борта. Включить автомат сопровождения.

- Есть. Цель - авианосец, дистанция сорок два. Данные ТАС - курс семьдесят три, скорость шестнадцать. Цель на сопровождении.

- Данные в цепь стрельбы не вводить. Записать в ЖБД (журнал боевых действий) данные условного залпа. Время... координаты... от штурмана.

В течение сорока минут лодка выполнила три условные атаки по "ленивому" авианосцу и кормовыми аппаратами по ближайшему кораблю охранения.

- Я думал, что я один дурак на этом свете. Оказывается, есть еще дурнее, - Неулыба поманил рукой дублера Шепота к перископу. - Полюбуйтесь, сэр. Краса и гордость американского флота. Стоимость миллиончиков триста, девяносто самолетов, водоизмещение сорок пять тысяч. Как думаешь, наш поход окупается, а? Если врезать, а?

- Окупится, - выдохнул Шепот.

Подводная лодка скорректировала маневр на контркурс и, периодически поднимая перископ, выскользнула из ордера авианосной группы. А через полчаса, используя остаток ночи, всплыла и рванула на отрыв.

- Внизу! Командира группы ОСНАЗ на мостик"

- Прибыл, товарищ командир.

- Объясни, дорогой, в чем дело? Находились внутри ордера. Радиолокаторы молотят как бешеные. А гидролокатора ни одного. В чем загадка?

- Докладываю перехват. Четыре корабля из состава авиагруппы ПЛО "Кирсардж" работают сейчас со своей атомной подводной лодкой в квадрате "Ромео". Предполагаю, что это именно те, кто отвечает за подводную среду. А с авианосцем остались корабли, ответственные за воздушную обстановку. У янки каждый получает доллары только за свое. Другого объяснения нет.

- Похоже, - согласился Неулыба, а потом сделанным восхищением добавил:

- А скромничал! Я и не знал, что мои осназовцы такие умные!

- Дураков не держим, - в тон Неулыбе ответил Сеница. - Разрешите курить?

- Для вас - хоть двойную порцию. Интересненькая ситуация! А, господа океана?

- У них просто, товарищ командир. У них РЛС и ГАС на автомате, а сами делают, что хотят, кто кока-колу пьет, кто на банджо наяривает. И не пошевеливаются, пока автомат не заорет, вызывая оператора к пульта. А заорет он, только когда получит отметку-цель.

- Вот службишка! - хлопнул себя по бедру Неулыба. - Однако восторги потом. Наше дело - рвать когти. Главное в профессии вора что? Вовремя смыться. Иди отдыхай. Ты честно заработал сон в командирской каюте, дорогой Сеница...

Снова лодка в пустынном районе океана, где не пересекаются торговые пути и, кроме многочисленных акул, поверхность не разнообразит ничто живое.

Но теперь мощное Куро-Сию несло теплые воды навстречу, под мотором экономхода лодка топталась на месте и... даже сползала назад. Приходилось работать главными и "удлинять" тропические ночи для бросков под дизелями по маршруту. Иными словами, всплывать, не дожидаясь окончания вечерних сумерек.

А внизу по-прежнему царила душегубка. Втянувшийся в режим экипаж тем не менее был предельно измотан. В насыщенных испарениями отсеках люди натужно подсасывали обедненный кислород. Включенные установки регенерации "проскакивали", не справляясь с поглощением углекислоты. И работали "на сугрев", как иронизировали подводники.

В головах стучало, на несущих вахту наплывала сонная одурь. Только предельное напряжение воли держало склонившихся к указателям приборов на "красной черте" внимания.

В один из бесконечно длинных дней, когда лодка застыла на глубине и в центральном нарушало тишину только журчание матки гирокомпаса, послышался вялый и равнодушный доклад:

- Центральный. В пятом дымится регенерация.

- Есть центральный! Товарищ командир, в пятом... - оторвался от пульта вахтенный механик.

- Слышу, - так же равнодушно ответил Неулыба. - Что за идиотский доклад? У них дымится. Запросить пятый, пусть доложат внятно, что у них там, пожар, что ли?

- В пятом, - так же бесстрастно щелкнул тумблером вахтмех. - Что там у вас, пожар? Доложить конкретно.

- Я уже доложил, дымится установка регенерации. Что тут неясного? - с оттенком явного раздражения отреагировал пятый голосом старшины Дикого.

- А ну, пусть несут установку сюда, - прервал словопрения Неулыба.

- Пятый. Установку регенерации - в центральный пост.

Открылась кремальера массивной переборочной двери. Чумазый моторист выставил установку - "нате вам!" - и задраил переборку.

Действительно, дымится! Стало ясно: мотористы-грязнопупы заряжали установку, хватая белоснежные, насыщенные кислородом пластины немывыми лапами. Наплевав на всякие инструкции.

- А ну-ка, разрядить печку. Пластины - в гермокоробку, - скомандовал Неулыба. - Да в перчатках, черт побери!

Радиометристы - "чистый народ", чей пост в кормовой части отсека, - выполнили приказание и поставили гермоящик под диванчик, где полулежа скрючился Неулыба.

А в центральном по-прежнему журчал гирокомпас и изредка шипела при перекладке рулей гидравлика. Про гермоящик забыли...

В центральный прошел замполит Хорт и с выражением важности выполненной миссии склонился к дремлющему Неулыбе:

- Прошел по отсекам, поговорил с народом. Вахты несут ответственно. Замечательный народ! Жарковато, правда. Но на войне как на войне! - с бодряческим пафосом проговорил Хорт и с заслуженной усталостью присел на гермоящик.

И тут же подвскочил, заорав истошно и дико: "Аа! А-аа!"

На гермокоробке в пузырящейся краске остались шматы Хортовых штанов. Огородив руками вздувшиеся волдырями ягодицы и подвывая, Хорт бросился в офицерский отсек.

"Дубина! Что делаю?!" - встрепенулся Неулыба. А вслух скомандовал:

- Боцман, всплывай! Куртку и меховые рукавицы мне! Продуть среднюю Старпом, отдраить люк!

И, по-медвежьё обхватив пузырящийся гермоящик, полез наверх. Откинул крышку коробки и вытряхнул пластины регенерации за борт.

Лодка скользила по инерции. Белоснежные пластины не желали тонуть и, плавно раскачиваясь на усах расходящихся волн, скрывались в кильватерной

струе.

"Ну, слава Богу, обошлось без ЧП", - взбодрился Неулыба, держась за кремальеру и уже потягивая на себя рубочный люк, успокоенно следя за белыми удаляющимися пятнами.

И в этот момент за кормой ахнул мощный взрыв. Пятиметровый столб зеленого огня быстро заворачивался в грибовидное облако.

Неулыба с силой захлопнул рубочный люк. Взрыв и облако могли видеть на десятки миль.

- Задраен люк! Погружаться на глубину тридцать метров! - скомандовал он вниз. А спустившись в центральный пост, отер пот, сбросил рукавицы и альпаковку и признался присутствующим:

- Наложил полные штаны! Если б рвануло в отсеке, разнесло бы всех в клочья. Хорошо, что мотористы испачкали регенерацию соляром, а не маслом. Век живи, век учись и дураком помрешь... Доктора ко мне!

Появился лодочный врач.

- Доктор, как там комиссарская корма?

- Обработана в лучшем виде, товарищ командир. К приходу в базу будет как новенькая.

- Разместите боевую потерю в моей каюте. Кормить отборным овсом, поить ключевой водой.

- Есть, ключевой водой.

<h2>x x</h2>

Лодка приблизилась к островной цепи Рюкю. Памятуя о течениях и скалах, Неулыба подгадал время и в ночь вошел в пролив под дизелями, обойдя мрачный остров Токара на почтительном расстоянии.

Слева сверкал огнями обитаемый остров Амами, за ним угадывался остров Окинава - гнездо военщины.

Мимо лодки пропер огромный паром, сверкавший огнями и источавший томительные японские мелодии и вопли джаза. "Тысяч на сорок", - прикинул на глаз выгодную позицию для атаки Неулыба. Лодка ушла от парома прочь, в ночную темень.

В Восточно-Китайском море лодка попала в густейший туман. Такой туман, в котором еле проглядывалась вытянутая рука.

Субмарина третьи сутки бессильно болталась в выбранном квадрате, где не пересекались морские пути, равно оберегаясь и от встреч с судами, и от рыболовных сетей. Самолетов в таком мерзком месиве Неулыба не боялся: радиолокатором обнаружит, а распознать не сможет.

Звезд не было. Ближних радиомаяков тоже. Не имея точного места, Неулыба не решался войти в Корейский пролив с юга. И надумал использовать последнее средство: "мазнуть" радиолокатором по ближайшим островам.

Однако выяснилось: радиолокационная станция на лодке безнадежно вышла из строя, от парной влажности раскисла изоляция электронных блоков. Неулыба разрядился благородным командирским гневом на начальника РТС Симпатенка:

- Куда, друг любезный, смотрел? Почему в станции мокрицы и лягушачья икра?

- Куда смотрел? - опустив глаза, виновато огрызался Симпатенок. - Куда и все. Ходовые вахты нес...

Неулыба, впрочем, понимал: не на молодого офицера, на себя должен разряд выпустить: в постоянном страхе за плотность батареи прошляпил

систематические прогревы "молчащих" в походе электронных систем. И чертыхнувшись в очередной раз: "Твой прокол, старая калоша!", отпустил Симпатенка без покаяния.

У лодки оставалось одно "оружие" - шумопеленгатор. Но это - для уклонения от кораблей и судов. И только.

И еще понимал: чем дольше лодка болтается в тумане без обсервации, тем больше нарастает невязка в счислимом месте. Тем труднее войти в пролив.

И решил провести корабельный военный совет - как в старину на российских кораблях, когда требовалось сделать ответственный выбор.

- Товарищи офицеры. Обстановку вы знаете. Туман. Надежного места лодки нет. Задача - войти в Корейский пролив - сопряжена со многими опасностями. Можно напороться на скалы, влезть в район сетей, где мы уже побывали... Ваши мнения и предложения? По традиции первыми высказываются младшие. Штурман?

Штурман Лукьянич, бессменный хранитель места лодки, сдержанно волновался:

- Обсервацию получим. По дальним радиомаякам. Китайским и японским. Прослушиваются слабо, но место с точностью три - пять миль обеспечим.

- Товарищ командир, - встрял дотоле молчащий Шепот, - думаю, штурман с задачей справится. Я в этом деле маленько кумекаю. Помогу. И еще ряд соображений. Все обнаруженные суда будут следовать вдоль цепи островов, на встречных или догонных курсах. Следовательно, пересекающиеся курсы маловероятны. Я имею в виду опасность столкновения в тумане. А туман? Думаю, что он скорее наш союзник. В данном случае, конечно.

- А остальные как думают?

- Правильно говорит командир ШПот, - вразнобой зашумели офицеры.

- Разрешите? - внезапно подал голос обычно молчун минный офицер Степан.

- Как вахтенный офицер. Все здесь сказали правильно. Но я бы выбрал маршрут ближе к островам. Там приглубо. И рыбаков поменьше.

- И еще, товарищ командир, - вмешался старпом Халваныч. - В данном случае течение нам попутное. Это наш главный враг. Считаю, что полные хода нам ни к кому.

- Ну, что ж. Других мнений нет? Ваши доводы резонны. Предложения принимаются. Решение - после надежной обсервации входим в пролив. На малых ходах. Предупреждаю: всем постам пассивного наблюдения - максимум внимательности.

<h2>x x x</h2>

В ночь лодка вошла в Корейский пролив. Сплошной туман. Ворчание дизеля, как ватой, забивалось сыростью. На мостике, не обращая внимания на струящуюся по лицам мокредь, напряженно молчали. Еще напряженнее в духоте рубок склонились к индикаторам акустики и поисковики-радиометристы. "Мостик! Шумов нет".

- Есть.

"Мостик. Прямо по курсу работа корабельной РЛС. Транспорт. Сигнал слабый. Режим круговой".

- Есть, - принял доклад поисковиков Неулыба. - Слабый сигнал, это миль двадцать-тридцать.

И нетерпеливо добавил:

- Спустишь, посмотрю сам. Шепот, старпом, смотрите внимательно.

- Понятно, - ответил Шепот. - Усилить наблюдение!

Неулыба скользнул вниз. Старая привычка командиров - рассмотреть

всплески отметок на индикаторах самому. Прикинуть и оценить.

Но, не успев отойти от зева люка, вдруг услышал крики ужаса и пуль вылетел вверх, выбросился на командирское крыло мостика. И остолбенел: почти над его головой проплыл тусклый зеленый огонь, и казалось, на расстоянии протянутой руки проперла массивная черная туша транспорта. Слышалась работа отливных донок и плеск выбрасываемой воды. Где-то вверху проревел басовитый гудок - туманный сигнал.

На мостике переглянулись: еще бы пять - семь метров вправо - туша транспорта содрала бы весь легкий корпус субмарины, а тогда - оверкиль и буль-буль!.. Спасли параллельные контркурсы и веретенообразная узость корпуса лодки.

- Воздух на тифон и сирену! Подавать туманные сигналы! Включить ходовые огни! - выпалил серию команд Неулыба и повернулся к дублеру. - На хрена нам такая архискрытность! Начальника РТС на мостик!

Начальник РТС Симпатенок выскочил на мостик.

- Начальник РТС, в чем дело? Ваши докладывают - "сигнал слабый". А судно прямо перед нами! Объясните.

- Товарищ командир, разобрался. "Сели" чувствительные кристаллы головки поисковой станции. Выработались за поход.

Неулыба присвистнул. Все стало ясным. Так называемые слабые сигналы радиолокаторов, обнаруживаемые ранее, на самом деле были сильными. Вот так и плавали!

<h2>х х х</h2>

К рассвету лодка выбралась из тумана. Справа четко обозначились зубцы гористой Цусимы. Навстречу пахнул холодный ветер Японского моря. Родной ветер!

- Обрати внимание, Шепот, - удивленно просипел Неулыба, - свечения-то нет! И рыбаков нет! Значит, планктона и рыбы нет. Вот когда надо шмыгать через пролив...

- В самом деле! - в тон командиру удивился Шепот. Но вот он, по кому лодка скучала! Из-за мыса вывернулся силуэт сторожевого корабля. Привет, приятель!

Подводная лодка погрузилась под перископ. Сторожевой корабль неуверенно заметался на горизонте. Все, милый, ясно: радиолокация у тебя куда ни шло, а акустика-то неважнецкая!

Но без соседства японского СКР стало скучно. Лодка подвсплыла и показала рубку. Японец заметно повеселел и лег курсом на сближение.

"Накось, самурай, выкуси!" - усмехнулся Неулыба и приказал погружаться под слой температурного "скачка", рожденный встречей холодных вод моря и теплого Цусимского течения. Под слоем скачка лодка чувствовала себя как у Христа за пазухой.

В "своем" море Неулыба не уважал сейчас ни японцев, ни корейцев.

Назначенный срок возвращения субмарины в базу истек. А лодка в центре Японского моря попала в жестокий встречный шторм. От норд-оста. Неулыба знал, что такие штормы всегда затяжные и скорого спокойствия не сулят.

Тяжелые холодные пласты волн с размаха били в корпус и рубку. Лодка содрогалась и, урча дизелем, тяжело врезалась в ямообразные провалы, принимая на корпус и перебрасывая через рубку многотонные валы. Шторм гулял в полную силу.

Верхняя ходовая вахта, одетая в давно забытые альпаковые куртки и штаны, прорезиненные химкомплекты, промокала до пяток и лязгала зубами.

Неулыба приказал верхней вахте закрепиться штормовыми пожарными поясами. Прикрыть клином рубочный люк от водопадов в центральный пост.

В команде появились "небоевые" потери - заболели старпом Халваныч, дублер Шепот и, самое досадное, механик Ильич и боцман Михалыч. Надеждой и опорой оставались "хозяин" центрального поста неугомонный Юла и в верхней ходовой вахте неразговорчивый минер Степан и сигнальщик Котя.

А лодка ворочалась в волнах, безнадежно теряя путевую скорость. Попытка запустить на-вент два дизеля привела к плачевным результатам: удары волн грозили продавить иллюминаторы ходового мостика и снести ограждение рубки. Перешли вновь на один дизель - так лодка легче отыгрывалась на волнении.

- Как обстановка, вахтенный офицер? - вылез на мостик Неулыба и тут же, окаченный потоком воды, сиганул под козырек мостика.

- В н-норме, т-товарищ командир, - просунул к командиру синее лицо и даже пытался улыбнуться вахтенный офицер Степан, - в м-море никого. М-мы одни...

- Может, подменить? Как себя чувствуете?

- Н-нет, не надо. Спасибо за беспокойство. Вахта достоинит.

По голосу, однако, чувствовалось: рад, что командир на мостике. Одному, даже с сигнальщиком, вахтенному офицеру в бурном море весьма неуютно.

- Внизу! Запросить радиорубку, как там берег?

- Есть, запросить... Мостик! Радисты. Берег дает непрерывный вызов на всех частотах. Наши позывные.

- Ясно. Ищут. Шифровальщику - подготовить РДО. Записывайте. Мое место широта... долгота... взять у штурмана. Курс ноль, скорость четыре узла. Море семь баллов. Расчетное время прибытия в точку всплытия 6.00 19.7 командир ПЛ С-141. Репетуйте...

- Мостик! Готово к передаче радио.

- Передать радио!

Впервые за сорок семь суток похода подводная лодка выстрелила радио в эфир.

- Мостик! Получена квитанция на радио.

Спустя несколько часов береговые радиостанции обрадованно загомонили на всей россыпи регламентных частот.

- Мостик! В наш адрес получено радио. Командиру. Время всплытия в точке randevу широта... долгота... подтверждается. Вас встречают СКР СКР бортовые номера... После всплытия обмен опознавательными, позывными. Следовать в эскорте в базу. ОД флота.

Произведя расчеты, Неулыба решил идти в точку randevу прямым путем через полигоны в надводном положении. Времени на скрытый переход и всплытие со всеми обусловленными НПЛ маневрами явно не хватало.

В назначенное время лодка подошла к точке randevу. На севере угадывались горные кряжи Приморья. Береговой ветер уже не был так жесток, удары волн слабели, но временами ощутимо встряхивали подводную лодку. Кораблей не было.

- Сигнальщик! Дать три ракеты - белую, зеленую, красную. Внизу! Включить ходовые огни!

- Есть, три ракеты!..

Через пятнадцать минут в зубцах волн замелькал прожектор.

- Товарищ командир! Сигнал вызова!

- Ясно. Дать опознавательный. Дать позывные.

- Вызывает. Командиру. Поздравляю с благополучным возвращением. Начинаю эскортирование в базу. Комбриг.

- Передать. Комбригу. Благодарю. Следую за вами. Докладываю. Задача выполнена. Люди налицо. Командир.

- Командиру. Ваш левый бортовой не горит. Прикрываю бортом.

- Комбригу. Вас понял. Огонь затек. Готовлю аварийную переноску. Командир.

Знак приема семафора. Подводная лодка стала в кильватер СКР. Поход закончен. На трое суток позже назначенного боевым распоряжением срока.

<h2>x x x</h2>

Подводная лодка подошла к пирсу враскоряк. Лихой швартовки, которой любили щеголять brave командиры, не получилось.

На корне пирса, поеживаясь от холодного ветра, в который раз гнусавил встречный марш оркестр. На пирсе толпилось начальство - начальник штаба эскадры Циннель, начразведки флота Токарь, замкомбрига Тетя Фрося, командир береговой базы Боярский и "флажки" (шутливое название флагманских специалистов). Начальство строго поглядывало на суетившихся на мостике Неулыбу и Халваныча. Начальство любило ловких и расторопных.

Неулыба косолапо сошел на пирс, отрапортовал старшему - Циннелю. Красивого рапорта тоже не получилось. Неулыба упирался ногами в пирс; бетонную стенку и все, что на ней было, почему-то покачивало.

- Поздравляю с завершением похода, - приличественно случаю краешком губ улыбнулся Циннель, - вам в штаб. Надеюсь, материалы подготовлены?

- Материалы готовы.

К Неулыбе и Хорту потянулись "флажки" и политрабочие, дружно задымили.

- Ну, командир, посылай за поросенком, - широкой улыбкой осветил Неулыбу командир базы, - как полагается на флоте.

- Поросенок, это хорошо. А баньку?

- С банькой немного того. Котлы на ремонте, - продолжал улыбаться командир базы.

Неулыба сплюнул окурок и зашагал в штаб.

<h2>x x x</h2>

Красивого доклада тоже не получилось. Неулыба выдавал тяготину. Эпизоды похода бледнели на глазах и превращались в серую будничную повседневность.

- Ну, мне ясно. Заслуживающих внимания моментов только два, контакты с авианосными силами, - отрезюмировал Токарь. - А вот схемы ваши критики не выдерживают. Готовьте подробный отчет. Не забудьте хорошо исполненные схемы. Тогда получите оценку...

Неулыба покосился на начальство: главное - не короткие контакты с авианосными силами, а условия похода, с которыми столкнулась подводная лодка. Но смолчал. Начальство это не интересовало.

- А сколько времени вы наплавали под водой? - вмешался представитель оперативного управления штаба флота.

- Под водой наплавал восемьдесят три процента времени.

- А вам было приказано - не менее девяноста! Вы не выполнили указаний комфлота.

Неулыба скривился и молчал, разглядывая линолеум кабинета.

А выйдя из штаба, сплюнул вторично. Закоснелая привычка.

- Ну и как? Отчитался? - нос к носу столкнулся с Неулыбой командир соседней лодки Катмыш, неунывающий бодрячок с румянцем.

- Да так, доложился. Схем красивых не приготовил, - усмехнулся Неулыба.

- Эх, ты! Я бы на твоём месте изобразил! Начальники рыдали бы от счастья! - похлопал Неулыбу Катмыш. - Забыл ты старое правило: "Сделал на копейку, доложи на рубль!"

И потопал в штаб. Неулыба не возражал. Его почему-то тянуло вбок. А земля куда-то медленно плыла.

Через два дня, в канун праздника Военно-морского Флота на соединение прибыл Главнокомандующий ВМФ Адмирал Флота Советского Союза С. Горшков.

Начальники главкома боялись. Начальники знали, что главком легко раздражаем при виде каких-либо, по его мнению, упущений. От таких, Боже упаси, припадков гнева могло спасти только одно - показ "клубнички".

А милой сердцу судьбоносца "клубнички" не было. Тогда начальство подсунуло Неулыбину лодку: только что вернулась-де из автономного плавания. Кое-кто, правда, соображал - дизельный подводный флот у главкома в пасынках; главком глядел в "завтра". А завтра принадлежало флоту атомному.

Неулыба, как приказано, торчал у корня пирса. На мостике в новых спецухах, с новыми повязками "рцы" и биноклями на шеях маячили вахтенный офицер Симпатенок и сигнальщик Котя. У новеньких флага и гюйса (флаг особой расцветки, поднимаемый на носу военных кораблей первого и второго ранга) - самые молодцеватые матросы. Свежевыкрашенная быстросохнущим лаком сходя умыкнута с соседнего пирса и покрыта ковровой дорожкой: своя исчезла с убытием в автономку.

В остальном же лодка, закрепленная новенькими капроновыми швартовыми, представляла унылое зрелище: рыжая от ржавчины, с огромными космами тины на рубке и сплошь покрытая раковинными наростами, со вспоротой кормовой надстройкой и пустой глазницей ходового огня. Вдобавок с небольшим креном на левый борт, несмотря на поддув, лодка упорно не хотела стоять на ровном киле.

Неулыба был мрачен, ибо ничего хорошего от высокого начальства не ждал...

Главкому доложили: "Вот-де только вчера возвратилась из похода подводная лодка. Задачу выполнила. Морально-политическое состояние личного состава здоровое. Лодка в целом боеготова. Командир имярек..."

Подтолкнутый кем-то в спину, Неулыба косолапо пропечатал расстояние до плаца, где остановилась кавалькада машин, и, приложив руку к пилотке, старательно прохрипел:

- Товарищ Главнокомандующий! Подводная лодка С-141 прибыла из разведпохода. Задачи, поставленные на поход, выполнены. Личный состав здоров. Боевая готовность обеспечена. Командир подводной лодки капитан 2 ранга Неулыба.

Сопровождаемый свитой чинов с папками, Главнокомандующий, поджав суховатые губы, внимательно осмотрел Неулыбу и сделал приглашающий жест. Чины расступились, Неулыба оказался рядом с главкомом, стараясь попасть в его неторопливый малоразмерный шаг.

- Ваша лодка отмодернизирована?

- Так точно, товарищ Главнокомандующий.

- Ну, и насколько улучшились ее боевые качества?

- Откровенно говоря, товарищ Главкомандующий, новой техники наставили много, а боевые качества почти не улучшились. Мореходные качества стали хуже, в крейсерском положении сильно зарывається, берет на себя волну. Особенно под двумя дизелями...

- Вот как? - удивленно поджал губы главком и бросил кому-то за спину: - Сколько лодок этого проекта на модернизации в заводах?

- Еще семь, товарищ Главкомандующий.

- На этих семи модернизацию выполнить и на этом прекратить.

- Будет исполнено, товарищ Главкомандующий. Главком, жестом остановив сопровождающих, прошелся вдоль подводной лодки, хмуро покачивая головой. Подводники предусмотрительно попрятались.

Главком вторично посмотрел на застывшего Неулыбу и молча прошел к услужливо подскочившей "Чайке". Машина развернулась и рванула в ворота. За ней - разношерстная кавалькада "Волг" и "Побед".

<h2>х х х</h2>

На следующий день Неулыба был оповещен: ему быть в День ВМФ на водно-спортивном празднике и стоять позади главкома.

В назначенный срок наутюженный и надраенный Неулыба стоял на смотровой вышке за спинами главкома, комфлота и командующего авиацией. Отгиснутый к рациям управления, он с замиранием в сердце наблюдал, как с жутким ревом в тумане на бреющем проносились над мачтами и надстройками невидимых кораблей звенья тяжелых ракетноносцев и тянули за собой жгуты водяных струй.

И слышал на радиоволне, как обкладывали в последний раз друг друга экипажи двух ракетноносцев, сцепившихся крыльями на развороте и грохнувших в остров Русский.

Неулыба понял: он здесь лишний - и тихонько спустился вниз.

<h2>Эпилог</h2>

Дни шли. Подводники скребли ракушку, суричили корпус, ковырялись в механизмах, с помощью умельцев из мехмастерской кувалдомерили и сваривали рваные листы.

Из секретной части бригады Неулыбе сообщили на пирс: "Тут получен приказ Главкомандующего. Вам благодарность. Придите и распишитесь".

- Между прочим, приказы такого рода объявляют перед строем, - обозлился Неулыба. - Перед строем бригады. А если начальству некогда, то и мне тоже некогда. Распишитесь за меня сами. Я доверяю. - И повесил трубку.

Но был и торжественный момент. Вслед за приказом из Москвы прибыл пакет со значками "За дальний поход". В поштучном количестве. Эти значки только что были введены и ценились подводниками выше орденов. Неулыба самолично прикалывал значки заскорюзлыми пальцами к форменкам матросов и видел, как скупое светились потаенной гордостью их посунутые лица.

Это потом, годы спустя, значки "девальвировались" стараниями штабов и политотделов. Стали награждать массово - корабельный состав, оторвавшийся за видимость берегов, политработников и штабников на учениях, вездесущих репортеров и... даже официанток.

И все же, ветеран-читатель, завидев в текущей по улицам толпе "военмора" или "штатского" со скромным значком на груди с изображением силуэта старой подводной лодки, ты безошибочно определишь: "А этот из наших"...

Один значок оказался лишним. Неулыба недоуменно вертел значок в руках.

- Да это "академику", товарищ командир! - первым догадался Хорт. - Помните, был с нами в походе?

- Да ну! Я про него и забыл. Неужели живой?

- Живой! Он с подходом лодки так сиганул, только пятки сверкнули. За вашей спиной.

- До чего ж живуч русский человек! - изумленно протянул Неулыба. - Я бы на его месте сварился в подводной лодке. Ну и ну!

"Академик", памятуя о гневном окрике Неулыбы во время форсирования Корейского пролива, более не пытался попроситься наверх и все время похода "варился" в каком-то лодочном закутке.

- Давайте пошлем ему в Ленинград. Старик будет доволен, - предложил Хорт.

- Конечно, пошлем. Честно же заработал... Спустя некоторое время доброты донесли: ходит "академик" по аудиториям, по Большому и Васильевскому и показывает всем знакомым и незнакомым жетон "За дальний поход", заработанный в тяжелом плавании. Воистину чокнулся теоретик оперативного искусства!

<h2>x x</h2>

А лодка, подкрашенная и подштопанная, тихо качалась у пирса. В "отличных" она по-прежнему не числилась. Мореплаватели не удержались и выдали-таки послепоходовую "шапку дыма".

Неулыба еще не знал, что хмурый опыт этого незамеченного историей похода не пропадет. Впереди - еще не один поход. Но те, последующие, не будут столь трудными, нелепо-сложными.

Будет много походов. Дизельный подводный флот честно отрабатывал свой хлеб.

Неулыба еще не знал, что потом, будучи уже штабным, на основе накопленного анализа и опыта походов товарищей он народит знаменитый "Букварь подводника", по которому будут учиться, переписывать его, выклянчивать и даже воровать друг у друга несколько поколений дизелистов-подводников. Упорно игнорируя официальные московские руководства и наставления.